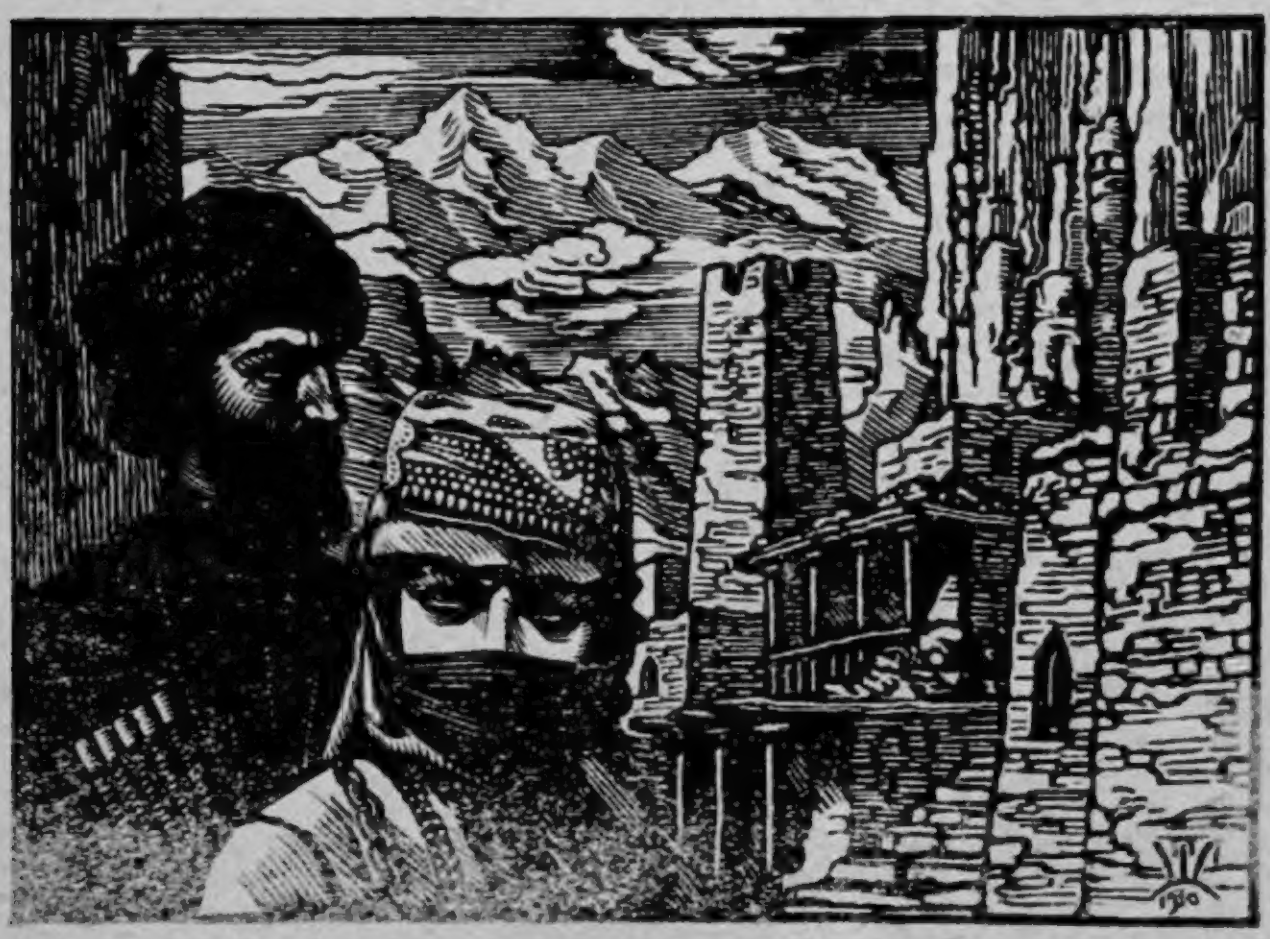
Г. ДЕМИДОВ

В УЩЕЛЬЯХ ПЕРВОБЫТНОЙ ГРУЗИИ



⟨ХЕВСУРЕТИЯ⟩

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

МГ

V.E.6

БИБЛИОТЕКА ЭКСПЕДИЦИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ

Г. ДЕМИДОВ

В УЩЕЛЬЯХ ПЕРВОБЫТНОЙ ГРУЗИИ

(ХЕВСУРЕТИЯ)

С 47 фотографиями в тексте

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

Д 30
Путешествия

Обложка — гравюра на дереве работы худ. П. А. Шиллинговского

398238

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. К.

38/11
30

Типография Издательства „Молодая Гвардия". Ленинград, В. О., 5 лин., 28. Зак. Изд. № 3543. Главлит № А-59662. Печатн. лист. 10. Тираж 5.100 экз.

Глава I

ВЕРХОМ ЧЕРЕЗ ПШАВИЮ И ХЕВСУРЕТИЮ. ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ [1]

10 августа 1927 г.

Военно-Грузинская дорога
Душет

Весь вчерашний день ушел на хлопоты и приготовления к поездке. Мы с Владимиром Александровичем ходили по Тифлису, главным образом, в районе Эриванской площади, и делали покупки. Прежде всего купили билеты на автомобиль, отходящий в Душет. Потом на Армянском базаре, в кривом и узком переулке, купили для Владимира Александровича кавказские сапоги; сапоги из козловой кожи, плотно облегающие ногу, „как перчатка"; в таких сапогах тифлисские щеголи в ловко сшитых черкесках любят ленивой, грациозной походкой разгуливать по оживленным улицам в центре города. Наблюдая, с каким усилием Владимир Александрович натягивает эти красивые перчаточные сапоги, потея и наливаясь кровью, я подумал о том, что в дороге они будут мало удобны, но Владимир Александрович,

---

[1] Настоящие записки являются результатом научной экспедиции, совершенной летом 1927 г. В экспедиции участвовали В. А. Гурко-Кряжин, Г. В. Демидов и сотрудник ЦСУ Грузии Евстафий Басилашвили.

надев сапог, браво и молодцевато постукивал им по полу, любуясь, как ловко и упруго он облегает ногу. Потом мы купили свечи, спички, сахар, чай, две бутылки коньяку, копченую колбасу, консервы, алюминиевые тарелки и ложки, чайник, кружки, монпансье.

Когда все покупки были сделаны, мы распрощались и разошлись по домам.

Сегодня уже в 5 часов утра я был на ногах. Быстро собрав свои вещи и уложив их в хурджины, я отправился к Владимиру Александровичу. Там я застал следующую картину: домашние Владимира Александровича метались по комнате и широкому балкону, поспешно укладывая вещи, а он сам в коротко обрезанных штатских брюках, и благодаря этому похожий на очень крупного мальчика, сидел на стуле, тщетно силясь надеть свои нарядные кавказские сапоги; капли пота обильно струились по выразительному лицу, проклятья срывались с нетерпеливых уст, а стрелка предательски двигалась по циферблату прекрасных стенных часов с великолепным боем. Я подал мысль послать Петроса за сапожником, который помог бы натянуть эти окаянные сапоги, но Петрос растерянно топтался на месте, никуда не двигаясь. Когда до отхода автомобиля осталось всего минут двадцать, я посоветовал Владимиру Александровичу надеть другие, штатские брюки, не укороченные ножницами, и ботинки и в таком виде доехать до Душета, где, вероятно, есть сапожник, которому можно будет дать растянуть на колодке узкие сапоги. Владимир Александрович сразу же последовал моему совету и через пять минут, весело смеясь над первым нашим приключением с сапогами, мы бодро шагали к Эриван-

ской площади, где уже стояли автобусы и автомобили. Через полчаса мы расселись по местам, багаж был устроен где-то сзади автомобиля и тронулись в путь. Навстречу весело бежали, мелькая от быстрой езды, знакомые места: вид справа на левый берег Куры с дымящейся трубой электрической станции, остроконечная готического стиля немецкая кирка, бывшая вторая гимназия, потом часть города, которая зовется Верой, с садами, потом шоссе за городом вдоль Куры, где по другую ее сторону видны сады немецкой колонии.

Утро прекрасное; не жарко, но ясно, тепло, хорошо. Скоро по левую сторону автомобиля показывается знаменитый духан „Захар Захарыча". На одном из деревьев мотается красный флаг, на перекладине висит небольшой колокол, в который звонит, заманивая к себе проезжих, оригинальный духанщик. Сам „Захар Захарыч", необычайно тучный мужчина средних лет, стоял на балконе и апатично смотрел в нашу сторону. На круглом выразительном лице лежала тень равнодушия и тоски; один из пассажиров сообщил нам, что Захар Захарыч страдает от припадка малярии. Его объемистое тело было облечено в обыкновенную кинтошскую куртку, на ногах — шаровары шириною в Черное море, незаправленные в сапоги, так как их владелец был в кожаных туфлях на босу ногу. Автомобиль, постояв минуты две, тронулся дальше; от одного вида Захар Захарыча и его духана весь автомобиль необычайно оживился, посыпались рассказы об остроумии и находчивости оригинального духанщика.

Через Куру, далеко вправо, показались Авчалы, белое каменистое русло пересохшей Глданки, вдоль

которой идет дорога в Тионети. По этой дороге ехал верхом в 1876 году Густав Радде, направляясь так же, как и мы, в Хевсуретию. Читая его книгу, я задавался вопросом: что изменилось в Хевсуретии после Радде. Пятьдесят лет — срок большой. Теперь сбывалось мое горячее желание побывать в этой своеобразной, малодоступной стране и самому убедиться в том, какие перемены произошли там за этот срок. Автомобиль мчится по гладкому шоссе, вздымая облака пыли; с телеграфных проволок плавно снимаются целыми стаями кобчики и уносятся в сторону. Навстречу нам летят Земо-Авчалы со своей электростанцией (Загэс) и монументальным памятником Ленину. С высокой остроконечной горы, по ту сторону сливающихся здесь Куры и Арагвы, бесстрастно смотрит на Земо-Авчальскую станцию древний монастырь Креста, после Лермонтова больше известный под названием „Мцыри".

Мы пролетаем по мосту через Куру и быстро мчимся по древней столице Грузии — Мцхету. От Мцхета до Цилкан гладкое ровное шоссе, и шофер прибавляет скорость; ветер свистит в ушах, развевает волосы. Солнца все нет: оно скрыто легкими облаками. Мы сворачиваем влево от Арагвы; машина идет в гору и какого очень скоро показывается Душет. Влево мы видим блестящую поверхность озера, вправо в котловине – живописные домики, вкрапленные среди зелени садов. Через десять минут машина останавливается у здания почты; мы выгружаем вещи, складываем их в помещении почтового отделения и отправляемся по душетским учреждениям.

Прежде всего идем в уисполком; здесь знакомимся с зампредом Бакрадзе, молодым, энергичным и толко-

вым человеком; благодаря его кратким и дельным распоряжениям очень скоро узнаем много интересных сведений о наробразе, здравотделе и т. д. Узнаем, что в Хевсуретии до сего времени нет ни одной школы; предположено построить шесть школ первой ступени: в Борисахском теми в селениях Моцма и Ликоки; в теми Бацалиго — в Гули, Рошка и Бацалиго и в Шатильском теми—в Шатиле. Все школы предположено выстроить на средства самих хевсур, содержание же учителей принимает на свои средства уездный отдел народного образования. В минувшем сезоне в Хевсуретии было три ликбеза, пропущено около ста человек. В Пшавии было два ликбеза, пропущено 70 человек. В Пшавии есть изба-читальня с радиоустановкой. Кроме школ, в Хевсуретии намечены два врачебных пункта: в Шатиле и Архоти. Наиболее часто встречающиеся заболевания в Хевсуретии: трахома и желудочные. На первом же месте по количеству стоят ранения. Заведующий здравотделом Шиукашвили приводит интересный эпизод: в 1925 году было получено сообщение, что в Шатили вспыхнула эпидемия оспы (заболели пятьдесят три человека); в начале ноября из Душета выехал оказать помощь заведующий здравотделом. Попытка проникнуть в Хевсуретию по Хевсурской Арагве и затем через Казбек по Архотскому ущелью не удалась; тогда заведующий здравотделом решил добраться до Шатиля кружным путем и поехал через Тифлис—Баку—Владикавказ в Ингушетию; через Ингушетию удалось приблизиться к Шатилю за шестнадцать километров; здесь проводники-ингуши предложили спуститься с высокой, отвесной скалы на веревках, при чем предупредили, что

сами за ним не последуют, так как находятся в кровной вражде с шатильцами. Заведующему здравотделом при таких обстоятельствах пришлось отказаться от попытки проникнуть в Шатиль.

По словам тов. Шиукашвили, положение Хевсурской женщины со времен Радде мало изменилось; как иллюстрацию он привел интересный рассказ: года три назад в Пасанаур была доставлена на носилках больная хевсурка; больная спросила, кто будет ее осматривать; ей ответили, что врач—мужчина. Хевсурка послала за водой, а сама исчезла. После продолжительных поисков больную нашли мертвой на берегу Арагвы.

* * *

Во время расспросов выясняется, что один из сотрудников душетского наробраза Шакро Басилашвили несколько раз был в Хевсуретии и соглашается быть нашим проводником. Он доказывает, что наилучшим направлением является дорога вдоль Пшавской Арагвы через Пшавию; таким образом мы зайдем, так сказать, в глубокий тыл Хевсуретии и через Матурский перевал попадем в Пирикительскую ее часть и в самое сердце Хевсуретии — в Шатильский теми. После краткого обсуждения мы решаем принять предложенный маршрут и взять Басилашвили с собой в качестве проводника. Тов. Бакрадзе любезно дает свое согласие на прикомандирование к нам Басилашвили; мы заказываем верховых лошадей на завтра к шести часам утра и идем устраивать целый ряд мелких, но неизбежных дел. Прежде всего отправляемся в казначейство наменять бумажные деньги на серебряную монету, предупрежденные, что хевсуры

бумажных денег не берут. Везде – и в наробразе, и в здравотделе, и в казначействе—мы встречаем к себе самое предупредительное и любезное отношение; с чисто грузинскоїї вежливостью нам всюду дают все необходимые справки, меняют деньги, дают указания, советы.

Из казначейства мы идем к сапожнику; я прижимаю к груди шапку, полную серебряной монеты. Когда мы подходим к сапожнику, мы замечаем, что за нами следуют несколько любопытных: „знатные иностранцы“ с мандатом за подписью председателя совнаркома Грузии свалились как с луны в тихий Душет и, естественно, не могли не вызвать к себе повышенного интереса со стороны некоторой части населения. Сапожники (их было два) оказались молодыми веселыми ребятами, быстро оценившими обстановку и решившими хорошо заработать и на сапогах Владимира Александровича и на моих ноговицах, которые также было решено растянуть на колодке. В то время как мы объясняли, что надо делать с нашей обувью, в мастерскую налезло человек восемь любопытных, которые в силу своего южного темперамента не могли оставаться спокойными зрителями и от всей души давали всякие советы и нам и сапожникам. В мастерской стало весело; весело стало и нам, и сапожникам, и публике. Вокруг себя мы чувствовали атмосферу дружеского расположения, видели искрящиеся глаза, улыбающиеся рты с крепкими белыми зубами; чья-то огромная лапа дружески давила мою руку... Найдя, что неудобно везти серебряную монету на двести рублей в шапке, я подал мысль сшить мешок для денег; взяв лист бумаги, я стал чертить и объяснять сапожнику, какой должен быть кошель; однако чья-то

предупредительная рука вырвала у меня из рук и карандаш и бумагу, и нашему вниманию был предложен новый чертеж мешка для серебра. Скоро мы имели несколько чертежей разных авторов; таким образом получился своеобразный конкурс, и нам оставалось только выбирать. Мы так и сделали. Однако, когда идею пришлось воплощать в жизнь, выяснилось, что веселые сапожники окончательно решили разбогатеть за счет „знатных иностранцев" и заломили совершенно несуразную цену за мешочек, сшитый из кожи. Тогда по совету кого-то из публики мы перекочевали целой толпой к портному, который очень скоро и очень прилично сшил нам из плотной двойной материи нечто в роде того кошеля, в котором возил деньги Санчо-Панчо.

Покончив с делами, мы отправились отдохнуть в отведенное нам помещение.

11 августа

Понятно, к шести часам утра лошади поданы не были. Мы бегали по Душету, разыскивали Шакро, лошадей, тщетно обращались за содействием в милицию—везде мы наталкивались на неудачи, холод равнодушия. В милиции нам сказали: „Лошадей нет, сейчас полевые работы".

Наконец привели одну лошадь. Минут через сорок появилась вторая, с хозяином Карапетом. Мы уже совсем было ожили, как вдруг Карапет заявил, что так как нет „второй" лошади, он уходит и уводит свою. Почему он считал свою лошадь третьей и почему принял такое внезапное решение, осталось тайной темных

извилин его мозга. С большим трудом мы уговорили Карапета остаться и считать его третью лошадь второй.

К этому времени нашелся Шакро. Между тем третья лошадь не приходила. Мы отправились к энергичному Бакрадзе. Бакрадзе со свойственным ему лаконизмом заявил, что через десять минут лошадь будет. Действительно, не больше как через десять минут привели третью лошадь.

Мы разместили хурджины с вещами и хлебом на седлах и в восемь часов пятнадцать минут прекрасного утра выехали из Душета.

Поднявшись в гору несколько правее Военно-грузинской дороги, мы спустились вниз в деревню Квавили, родину Даниила Чонкадзе, автора „Сурамской крепости", затем проехали по ущелью к деревне Джикураульт-кари. Показалась Арагва; на другой ее стороне расположена живописная деревня Чинти с интересной крепостью на скале. Вскоре после Чинти, по левому берегу Арагвы, показалось узкое ущелье, ведущее в Тионети. Отсюда до Тионети около двадцати километров. Въехав в живописное ущелье, мы поехали вдоль правого берега Арагвы. Скоро показалось селение Жинвани, расположенное у слияния Арагвы, Пшавской и Пасанаурской. Недалеко от моста, перекинутого через реку, мы спустились к роднику и напились. Затем переехали по мосту на ту сторону реки; мост новый, остатки старого видны тут же рядом. На вершинах гор, окружающих Жинвани, видны развалины старинных башен. В самом селении на берегу Арагвы—круглая башня. Отсюда дорога, необычайно живописная, идет ущельем вдоль Пшавской Арагвы по левому ее берегу. Красивые горы, покрытые

густым лесом, то вплотную подступают к быстрым, прозрачным водам Арагвы, то несколько отступают, образуя цветущие луга, покрытые сочной зеленой травой. Солнце вышло из-за туч и освещает своими горячими лучами и лес, и горы, и прохладную Арагву, быстро несущую свои воды. Мы едем по Пшавии. Я сижу на лошади без шапки, без рубашки, в одной сетке; сзади через седло перекинуты красные полосатые хурджины и пальто. Едем в таком порядке: впереди Шакро, затем Владимир Александрович, за ним я. Нам хочется пить и есть, но неумолимый Шакро твердо заявил, что привал надо сделать у родника, который впереди; мы томимся от жажды и едем все вперед и вперед без конца. Наконец около двух часов дня Шакро сворачивает вправо от тропинки, к опушке леса, и соскакивает с лошади. Мы следуем его примеру и видим небольшой родник с кристально чистой водой. Быстро снимаем хурджины с седел, достаем мою объемистую эмалированную кружку, „цистерну", и пьем, пьем без конца холодную, изумительно чистую, прозрачную воду из этого чудесного родника. Вот о такой воде, из такого родника я мечтал зимой в Москве.

Напившись, мы принимаемся за еду. Из Душета мы взяли с собой восемь килограммов великолепного грузинского чурека, в Тифлисе купили отличную копченую колбасу и консервы, и теперь здесь, среди зеленых гор, у этого прекрасного родника, мы с наслаждением едим и отдыхаем. А вокруг все так же непередаваемо хорошо. День все такой же ясный, солнечный, жаркий; только из-за гор по ту сторону Арагвы показались тучи. Через час, когда, отдохнув и подкрепившись едой,

мы собирались уже садиться на лошадей, как-то сразу вдруг пошел крупный летний дождь. Погрузив хурджины на седла, мы решили укрыться в лесу. Однако даже густая листва деревьев не могла защитить нас от все усиливавшегося дождя, скоро перешедшего в ливень. Когда мы почувствовали, что промокаем насквозь, мы сели на лошадей и поехали по размякшей тропинке дальше. Скоро тропинка, шедшая вдоль скал, привела нас к зыбкому мосту через Арагву. Шакро слез с лошади и осторожно пошел, ведя ее в поводу, по качающемуся мосту; выждав, когда он перешел, и мы с Владимиром Александровичем поочередно перевели своих лошадей. После моста нам дважды пришлось переехать в брод быструю, раздувшуюся от дождя, вспенившуюся Арагву; затем тропинка пошла лесом вдоль правого берега реки. Скоро мы увидели пшавскую деревню Магарос-Кари.

Подъехав к каменному зданию, в котором помещались школа и больница, мы соскочили с лошадей и вошли в большую комнату местного учителя—грузина А. З. Азаурашвили. С большим трудом стянули с себя совершенно мокрые сапоги, разделись до-нага, стали переодеваться. Затем стали разбирать и сушить вещи, которые также вымокли все насквозь. Однако из этой комнаты нас скоро перевели в другую — совершенно пустую, сараеобразную, при амбулатории. Здесь мы согрелись коньяком, развесили белье и вещи на веревке и поели. В открытые окна с видом на зеленую гору мы видели, как продолжал итти частый дождь, хотя небо расчистилось, и светило яркое солнце.

Деревня Магарос-Кари, в которой всего четыре дыма, сливается с деревней Магаро, в которой двенадцать —

6) Муцо — Шатиль, спуск и легкий подъем, около трех часов ходьбы, тринадцать километров;

7) Шатиль-Гуро, крутой подъем и такой же спуск, восемь часов ходьбы, двадцать пять километров;

8) Гуро-Ахиели, крутые спуск, подъем, спуск, двенадцать часов ходьбы, тридцать пять километров;

9) Ахиели-Джута, длительный подъем и крутой спуск, десять часов ходьбы, тридцать километров;

10) Джута-Пасанаур, спуск, подъем, крутой спуск, четырнадцать часов ходьбы, сорок пять километров.

Группа состояла из десяти человек: студентов М. В. Андреева, В. Н. Басилашвили, А. С. Вартапетов, Е. В. Любимская, М. С. Макарова, Я. Н. Худоложкин, А. М. Цей, энтомолог Я. Д. Киршенблат, проводник Г. Г. Балиаури, руководитель—доцент В. Н. Худадов.

РАССКАЗ ТОДРИЯ ЧИНЧАРАУЛИ О СТАРОМ ШАТИЛЕ[2]

Из Крапивного места, из Кахетии пришли мы. „Саджин Цре"—место наше называлось. И вышли оттуда три брата. Один в Гудани остановился, другой—в Кистани, а третий — здесь, в старом Шатиле. Давно это было. Говорили старики, что Шатиль старый при царице Тамаре построен. Трудно жилось там: беднота, смута была. И воды близко не было, вниз к реке спускаться приходилось. В мирное время ничего это, а как ингуши нападут, так плохо. Хода темного к реке нет: опускали шерсти клубки сверху в воду, мочили их и так пили.

В новый Шатиль давно переселились. При Шамиле уже крепко тут жили. Чинчараули — фамилия наша называется.

* * *

РАССКАЗ ГАБРИЭЛЯ БАЛИАУРИ О ТОМ, КАК ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК „ХЕЛОСАНИ" СДЕЛАТЬСЯ МОЖЕТ

У нас в Ахиели один хелосани при хати находился, а теперь два. Один по отцу и по деду хелосани, а другой сам им сделался. Что делать стал? Сидит около хати, вдруг впадает в кадаги и кричит, что его хати в хелосани зовет. Бежит в реку в одежде купаться. Раз вбегает в селение, а там мой брат держал в руках голубя, голубь вылетел из рук у него и сел на плечо

---

[1] Помещенные в приложениях сказания записаны студенткой тов. Макаровой.

[2] Тодрия Чинчараули, житель селения Шатиль, восьмидесяти одного года.

пятнадцать дымов. Отсюда идут два ущелья: Гомецарское, выходящее в Пасанаур, и Шарахевское, по которому мы приехали из Душета. От Душета до Магарос-Кари считается тридцать два километра.

Вся Пшавия распадается на два теми: Магарос-Кари и Шуапхо. Здесь, в Магарос-Кари, в том самом доме, в котором мы остановились, находится амбулатория; при ней фельдшер и акушерка. Есть штатная должность врача, но никто не хочет ехать служить сюда, в глушь. Местность живописная, но малярийная. Учитель—красивый, стройный грузин А. З. Азаурашвили—и жена его Нацвалишвили живут здесь три года; от них мы узнали следующее: школа, в которой учатся двадцать девять учеников, обслуживает три пшавских селения; дети учатся очень охотно, но занятиям сильно мешают полевые работы; поэтому учебный год продолжается всего пять месяцев. Пшавские дети необычайно способны; попадая в школу, они часто уже знают грамоту, так как старшие учат младших на камнях углем. В Пшавии грамотных насчитывается до восьмидесяти процентов. Многие скрывают, что грамотны.

В быте пшавов много общего с бытом хевсур. Пшавские женщины, так же как и хевсурские, во время менструаций и родов изолируются в особые помещения, „босели“; роженицу при первых родовых схватках отводят в „босели“, где женщина проводит шесть недель; при выходе очищается, смачивая волосы коровьей мочой. За помощью к акушерке обращаются только в тяжелых случаях, однако постепенно доверие к акушерке растет, и пшавки в последнее время обращаются к ней чаще и охотнее.

КАРТА
ХЕВСУРЕТИИ
МАСШТАБ:
КМ 2 0 2 4 6 8 10 КМ
КАЗБЕК
СНО
ДЖУТА
ПАСАНАУР
1050
АНАНУР
ЖИНВАНИ
ДУШЕТ
938
ТИОНЕТЫ
1120
АРТАНИ
БАЧАЛИ
БОЧАХИ
АПШО
МИО
БАКУР-КАРИ
ШУАПХО
МАТУРА
ЧАЧХЕТИ
АРДОТИ
ГУРО
ШАТИЛЬ
1404
АНАТОРИ
МУЦО
ТБАТАНА
ДЖОКОЛА
МАТАНИ
АХМЕТЫ
ТУШЕТИЯ
62° 15'
62° 45'
63°
42° 30'
42° 15'
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
I
II
III
IV
ДОРОГИ
ШОССЕ
ПОЧТОВАЯ
ПЕРЕВАЛ
ЛЕДНИК

У пшавов не было ни дворянства, ни княжества, ни азнаурства, чем они очень гордятся; однако есть неравенство: существуют особо уважаемые семьи, уважение к которым основано на культе героизма, подвига; второй тип таких выдающихся семей—богачи. Так же, как у хевсур, есть дастуры, хуцесы, хевисберы.

Девушки необычайно красивы; некоторые из них напоминают украинок. Если девушке не нравится жених, она может ему отказать. У пшавок есть и имущественные права. Женщинам воспрещается приближаться к священным местам, будь то языческое „хати" или православный храм. По словам учителя и его жены, главная болезнь в Пшавии — катарр желудка; венерических болезней не наблюдается. С соседями-хевсурами отношения враждебные; нападают обычно хевсуры, грабят, угоняют скот.

* * *

Дождь перестал, белье и вещи подсохли. Решаем ехать сегодня до Шуапхо, в крайнем случае—до Хоми. До Шуапхо отсюда двадцать пять километров, до Хоми — пятнадцать.

В шесть с половиной часов вечера мы распрощались с хозяевами и тронулись дальше.

Тропа идет по Гомецарскому ущелью, по правой стороне ручья; проехав зыбкий Чаргальский мост, мы вступили в Чаргальское ущелье. Узкая тропа пошла вдоль скалистого обрыва. Стало смеркаться. Утомившиеся кони идут не так бодро, как до Магарос-Кари. В то время как тропа пошла круто вверх, вдоль левого берега речки, с нами едва не случилось серьезное

398238
С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

несчастье. Под ехавшим впереди нас Шакро на крутом скалистом подъеме поскользнулась и упала лошадь. Нерастерявшийся Шакро поднял лошадь на ноги, не сходя с нее, но она вторично рухнула, на этот раз в сторону обрыва. Момент был весьма рискованный, крутой обрыв почти отвесно падал вниз к каменистому руслу горной речки, которая текла метрах в шестидесяти под нами. К счастью, у того места, где упала лошадь, росло несколько кустарников; только благодаря этому случайному обстоятельству Шакро удалось удержаться, иначе мы потеряли бы и нашего проводника и его лошадь.

Дальше тропа пошла густым лесом, между пятнистых стволов буков.

Неожиданно нас нагоняет стражник. Я начинаю расспрашивать, откуда он и куда едет; выясняется, что несмотря на то, что мы отклонили предложение в Душете взять с собой стражников, за нами вдогонку послали „на всякий случай" одного из них. Стражник—веселый молодой парень, пшав; мы говорим по-грузински. Шакро, который был убежден, что ни я, ни Владимир Александрович не знаем грузинского языка, от изумления чуть не свалился с лошади. Он подъезжает к нам, и между нами завязывается дружеский разговор на грузинском языке.

Скоро показалась деревня Инно; недалеко от этой деревни есть источник нарзана. Несколько дальше, вправо на горе, разбросано семь дымов. Отсюда начинается ущелье Хомис-дзири; у начала его — селение Хомис-дзири, напротив—деревня Апшо (двадцать восемь дымов). В полутора километрах отсюда на горе деревня Хоми в тридцать дымов.

В девять часов вечера мы остановились в духане, который содержит бодрый, крепкий старик-пшав пятидесяти шести лет, имеющий двух жен. Мы расположились в темноватой, закопченной комнате рядом с духаном. Пока жарятся цыплята и сушатся недосушенные в Магарос-Кари вещи, мы ведем оживленный разговор с духанщиком и другим пшавом, стражником и Шакро.

Всего пшавов насчитывается около двух тысяч пятисот душ. Перепись в Пшавии (или, как говорят здесь—в Пшаветии) произведена в декабре 1926 года; в Хевсуретии—4 января 1927 г.

Часов в десять цыплята готовы. Стол сервирован чрезвычайно просто: разрезанные на части цыплята поданы в большой миске, на стол положен хлеб, в кувшине вино и два стакана—вот и все.

За стол сели мы с Владимиром Александровичем, Шарко и стражник.

После интересной, но утомительной дороги кажутся необычайно вкусными и цыплята, и хлеб, и вино. Мы достали свои кружки; таким образом вино наливалось каждому в его посуду и после коротких, но неизбежных тостов стаканы и кружки дружно осушались до дна. Скоро к нашему столу присоединились духанщик и второй пшав. По обычаю им наполнили стаканы. Сосредоточенные, важные, они взяли стаканы в руки, сказали прочувствованное слово и осушили их за наше здоровье.

После ужина мы устроились на огромных широких тахтах и уснули, как убитые.

12 августа

Встали в пять часов утра. Пошли мыться на родник. Какие здесь родники! Какая вода! Сейчас же за духаном я услышал журчанье воды, завернул за угол и увидел чистую, прозрачную струю, стремительно выбегающую из медной трубы. Не торопясь, с наслаждением я умылся холодной, свежей водой, потом припал ртом к струе и пил, пил без конца чудесную влагу. А кругом горы, зеленый девственный лес, а впереди путь в Хевсуретию по узким тропам, вдоль горных ручьев, по теснинам глухих, диких ущелий. Хорошо!

В семь часов пятнадцать минут утра тронулись в путь.

Часа два ехали узким ущельем; дважды переезжали в брод Арагву, потом по жидкому, дрожащему, стонущему мосту переехали на правый берег и долго следовали по крутой каменистой тропе. Кругом лес, дикий, безмолвный; ни души не встретили мы с тех пор, как выехали из духана. В лесу попадаются огромные клены и буки. Единственная птица, которую мы встречаем время от времени—коршун.

На полпути между духаном Хоми и Шуапхо открывается справа по течению узкое грозное ущелье, по дну которого несется Арагва, впадающая в Пшавскую. Это место называется Орцхали (Двуречье). Это дикое, узкое ущелье, полное водяных брызг и тумана—скорее расщелина среди огромных гор, производит сильное впечатление своей мрачной красотой. Несколько выше по течению—мост через Арагву и развалины казармы когда-то бывшего здесь военного поста. Продвигаясь дальше вверх по ущелью, мы увидели на вершине горы первое хевсурское селение—Моцмо, состоящее из трех—

четырех дымов. В этом селении живет род Арабули. Этот же род населяет селения Датвиси, Сахиле, Гвелети и Аче. В селении Ликоки, которое недалеко от Моцмо, живут Ликокели.

Погода, довольно ясная с утра, стала портиться. Когда мы были километрах в пяти от Шуапхо, стал накрапывать дождь. Мы прибавили ходу и на рысях въехали в Шуапхо.

Шуапхо состоит из двадцати восьми дымов. Мы остановились в канцелярии темисполкома. Рядом—здание школы, состоящее из двух комнат, с общим деревянным балконом. Одна из них, в которой происходит учение—темная, невероятно грязная и маленькая комнатка в шесть шагов длины и пять ширины. Здесь обучаются двадцать семь учеников; скамеек нет; прямо на полу лежат рядами доски толщиной в девять сантиметров; сидя на этих досках, учатся дети. Комната рядом больше, чище, светлее; на наш вопрос, почему занятия происходят не в этой комнате, нам ответили, что мальчики не хотят в ней заниматься потому, что здесь очищалась во время менструаций хевсурка, жена учителя.

Погода преотвратительная. Часа три под ряд идет дождь. Все небо обложено тучами. Арагва, которая здесь совсем узкая (метров шесть—восемь), несет с гор мутные воды. Вершины гор в молочно-белом тумане. Из грязного и темного помещения канцелярии темисполкома мы перебрались в маленькую чистую саклю пшавараб факовца Элисбара, который учится в Тифлисе. Наш хозяин, молодой симпатичный человек, несколько болезненного вида, живет с матерью, приветливой старушкой. Низкая сакля имеет одно небольшое окно и одно-

створчатую дверь. Пол земляной, чисто выметенный; крышу подпирают столбы, врытые в землю; вдоль одной из стен стоит широкая тахта, покрытая коврами и мягкими пшавскими паласами.

Дождь все идет. Обидно год ждать поездки на Кавказ и сейчас сидеть в сакле и не знать, когда можно будет тронуться дальше. Шакро куда-то сбежал. Владимир Александрович пошел его отыскивать. Я завернулся в мягкий палас и уснул. Среди сна слышал, как в саклю вошли цыплята и как осторожно, чтобы меня не разбудить, хозяйка их гнала. Проснувшись, я вышел из сакли. Дождь перестал. Как красивы здесь горы, покрытые густым лесом, с полянами, занятыми под пашни!

Ко мне подсел старик-пшав семидесяти двух лет, с живыми, выразительными глазами. Он рассказывает мне про свою горемычную жизнь: он одинок, жена и сын умерли; он стар, никому не нужен, жалеет его только старуха, наша хозяйка. В его котелке вода, в ней взболтана темная мука и нарезаны какие-то кусочки. Старуха обещала ему это сварить. Я спрашиваю: был ли он когда-нибудь в Тифлисе? Был, давно; тогда он был еще совсем молодым; может быть, пятьдесят лет прошло с тех пор. А в Хевсуретии? Нет, в Хевсуретии он не был. Что ему там делать? И дорога туда ведет ужасная. Нет, в Хевсуретии он никогда не был.

Я иду отыскивать Владимира Александровича и нахожу его беседующим с молодым хевсуром. Этот хевсур оказывается единственным студентом в Хевсуретии. Мы знакомимся. Его фамилия Балиаури; он—среднего роста, широкоплечий, с черной круглой головой, коротко остриженный, с маленькими черными усиками,

Замок Качу (старый Шатиль).

чисто выбритыми щеками и подбородком. Обращают внимание красивые серые глаза, необычайно правильной формы нос, небольшие уши. Выражение лица очень симпатичное. Одет он по-городскому: серая, длинная, подпоясанная кавказским ремешком рубаха, брюки навыпуск, на ногах кавказские чусты. Он рассказывает о хевсурских праздниках и обычаях. Хевсуры празднуют четыре дня в неделю: воскресенье, понедельник, пятницу и субботу. Главный годовой праздник — атенгеноба — летом, перед сенокосом; кроме того, есть местные праздники, празднуемые в капищах Хахматис-Джвари, Гуданис-Джвари и друг. Хевсуры на ряду с чисто языческими праздниками празднуют и некоторые христианские, например, рождество. После заклания жертвенного животного хуцес мажет кровью крест на лбу жертвователя; этот обряд называется „санатлоба".

* * *

Появляется Шакро. Мы спрашиваем, куда он запропастился. Он очень доволен, смеется: он был у своих друзей. У этого человека везде друзья: он всех знает, и его все знают. Мы просим, чтобы он поскорее распорядился отыскать наших лошадей и приготовил их в путь.

В два часа сорок пять минут дня мы выехали из Шуапхо. Сначала ехали по каменистому руслу Арагвы, раза четыре переезжали ее в брод, затем, выбравшись на правый берег, стали подыматься вверх по узкой тропе. Поднявшись на значительную высоту, наши лошади, осторожно ступая, пошли по узкому карнизу

выбитому в скалах; справа — отвесный обрыв, внизу на страшной глубине вьется Арагва, становящаяся все уже и уже; слева — отвесная стена из складчатых шиферных пород.

Разъехаться со встречными здесь нет никакой возможности. Лошади идут медленно, иногда останавливаются, нагибают голову, обнюхивают тропу и осторожно идут дальше. Здесь, перед лицом опасности, и лошадь и всадник чутко прислушиваются друг к другу, понимают друг друга извечным животным инстинктом, составляют вместе одно целое. Один неосторожный шаг — и лошадь и всадник полетят в бездну, туда, где идущие вверх по течению реки мальчики пшавы кажутся игрушечными. Шакро, вероятно, для того, чтобы подбодрить нас, рассказывает, что не так давно с этой тропинки слетел в пропасть пшав с лошадью и, понятно, разбился вдребезги.

Вид восхитительный: вся левая сторона Уканапшавского ущелья, вдоль которого мы едем (мы едем по правой его стороне, считая по течению реки), покрыта густым зеленым лесом. По мере того как мы двигаемся вперед, по ту сторону ущелья открываются боковые ущелья, из которых выбегают быстрые прозрачные ручьи, впадающие в Арагву.

Наше внимание привлекает пруд Зарис-Чала, образованный водами Арагвы. К пруду пробираются мальчики пшавы, которые вместе с нами вышли из Шуапхо; они стали совсем крошечными. Это свидетельствует о том, что мы постепенно поднимаемся все выше и выше. Усталые лошади из Душета, непривычные к головоломным тропинкам, заметно боятся.

Наконец тропинка начинает итти вниз, и мы спускаемся к Арагве при слиянии с ней бурной Матуры. Переехав через мост, мы вступаем в дикое, таинственное ущелье Матуры и едем по узким, ужасным тропинкам, переезжая реку по зыбким мостикам, представляющим собою два—три бревна, перекинутых часто на значительной высоте над бешеным, клокочущим потоком.

Матурское ущелье на всем своем протяжении покрыто лесом; нам попадаются береза, клен, бук, липа, мелкий орешник, можжевельник; в яркой и свежей траве под ногами много крупных ягод душистой земляники. Птиц мало; в вышине плавно кружатся коршуны, над ущельем носятся ласточки, на камнях, среди ревущих вод Матуры, попадается желтая трясогузка.

Тропинка постепенно поднимается в гору. Недалеко от селения Матура у нас была смешная встреча с пятью маленькими телятами, которые, сбившись в кучу, с изумлением нас рассматривали; когда же мы отъехали от места встречи, телята побежали за нами, некоторые из них забегали вперед, останавливались, поджидали нас и рассматривали детскими глазами, полными удивления; так продолжалось до самого селения.

В Матуру мы приехали в пять часов сорок пять минут дня. От Шуапхо до Матуры считается десять километров. Мы ехали без остановок три часа—можно судить, какая дорога между этими двумя пунктами.

Селение раскинуто по обоим крутым склонам Матурского ущелья и насчитывает всего двадцать дымов. Мы остановились с лошадьми внизу. Вверху, по крутому склону горы рассыпались бедные сакли с редкими деревьями между ними. Деревня производит впе-

чатление вымершей. Шакро, приставив руки ко рту в виде рупора, начинает взывать к жителям.

Никого не видно.

— Они боятся и присматриваются к нам,—поясняет Шакро и снова начинает трубить в свой рупор. Наконец где-то наверху, на плоской крыше сакли, появилась молчаливая фигура, которая некоторое время наблюдала за нами, как бы изучая обстановку; затем появилась другая, которая также, не торопясь, внимательно осмотрела нас: три всадника, неожиданно появившиеся в этих местах, очевидно—вещь не совсем обычная. После столь тщательного осмотра издали к нам наконец спустился черный, как жук, весь заросший волосами пшав.

Шакро просто и ясно в нескольких словах изложил ему суть дела: мы едем в Хевсуретию, нам нужен ночлег и завтра рано утром—лошади. Мы будем ночевать у него в сакле, а он должен позаботиться о наших лошадях.

Пшав не успел ни возразить, ни выразить своего согласия, как вдруг Шакро совершенно неожиданно, легко и по-своему изящно взял пшава за подбородок; этим жестом он одновременно давал понять, что разговор кончен и что он, Шакро, ни одной минуты не сомневается в том, что хозяин как надо выполнит свой долг гостеприимства в отношении своих гостей.

Мы с изумлением наблюдали, как пшав, сначала несколько растерявшийся от такой неожиданной интимности, постепенно стал просветляться, видимо, подкупленный таким простым и дружеским обхождением.

Положительно Шакро—совершенно незаменимый человек в таком путешествии. Он уже вручил поводья

наших лошадей хозяину и давал наставления, куда их лучше всего пустить пастись; нас же повел в его саклю. Минут пять карабкаясь по крутой горе, мы добрались до бедной пшавской хижины: убогая сакля

Группа хевсур. Сел. Георги Цминда.

с земляным полом, темная, грязная; во всю ее ширину—тахта, покрытая паласом; в углу горой наложены овчины.

Перед саклей—крытый балкон с очагом у одного конца. Мы уселись на скамью. Перед нами крутой спуск до тропинки, ведущей вниз по ущелью в Шуапхо, откуда мы приехали, и вверх к перевалу, куда мы тронемся завтра утром; ниже тропинки — узкая дикая щель, где бурлит Матура. По ту сторону потока—прекрасные горные пастбища; там же — пшавские сакли

с плоскими крышами, точно разбежались откуда-то сверху и беспорядочно рассыпались перед обрывом.

Матура—последнее пшавское селение. Там, за перевалом, совсем близко отсюда начинается Хевсуретия.

Молитва перед жертвоприношением. Сел. Ахиели 28 августа 1928 г.

Перед растопленным очагом сидит пшавка с двумя детьми: мальчик лет двух и хорошенькая девочка, блондинка с голубыми глазами, лет четырех. Пшавка—очень симпатичная, еще совсем свежая женщина. На вид ей не больше сорока лет. Она очень нежна с детьми. Я принял ее за мать. Мы разговорились. Улыбаясь, она сверкнула белыми, прекрасными зубами.

— Нет, она не мать; это—дети ее дочери, которая шла со скотиной в горы. Она--бабушка, ей шестьдесят лет. Этому трудно поверить, но она не шутит. Тут же живые свидетели подтверждают справедливость ее слов. После этого говорят, что на юге женщины увядают раньше, чем на севере! Видя наше изумление, нам рассказывают, что в той части селения, по ту сторону ущелья, живет старик-пшав ста двадцати семи лет, еще бодрый и сильный; он женат на сорокалетней женщине и имеет от нее десятилетнего сына. Зовут его Кавтар Кистаури.

Спускается вечер. Горный воздух становится холодным. Мы подсаживаемся к огню, начинаем сушить обувь, согреваться у очага. Детишки исподлобья наблюдают за каждым нашим движением. Скоро с хорошенькой девочкой, благодаря карамели Ландрина, удается установить дружеские отношения; она робким голоском отвечает на мои вопросы. Зато мальчишка, при первой же попытке познакомиться с ним, разревелся самым позорным образом. Я с удовольствием наблюдаю, как нежно относится к детям их моложавая и симпатичная бабушка. Несмотря на холод, который с каждой минутой дает себя чувствовать все больше и больше, и бабушка и внучата босые.

К нам приближается брат хозяина, юноша лет семнадцати, Мамука, ложится прямо на холодную и сырую землю, не торопясь достает кусок газеты, кисет с табаком, свертывает трубочку, набивает ее табаком, потом из другого кармана вытаскивает кремень и обломок стали, прилаживает к кремню кусочек сосновой коры, ловко высекает искру; сосновая кора начинает

тлеть, он подносит к ней свою трубочку и закуривает. Я беру у него из рук незатейливые принадлежности для получения огня, располагаю их точно так, как это делал Мамука, начинаю высекать искру — ничего не получается. Искра у меня высекается только после пяти — шести ударов стали по кремню, и летит она куда-то в сторону от темной сухой коры. Владимир Александрович стыдит меня за неловкость, называет горожанином, утратившим первобытный инстинкт, отбирает все инструменты, очень уверенно прилаживает их, приговаривая: „Вот как это делается", ударяет сталью по кремню раз, другой, третий—и... ничего не получается.

Мамука и Шакро скалят зубы.

Тогда, задетые этим смехом, мы вырываем друг у друга примитивные принадлежности, прилаживаем кору к кремню и начинаем бешено бить сталью по кремню. Искры брызгами летят во все стороны, но ни одна из них не хочет зажечь чортову кору. Наконец, признав свою неспособность, мы попросили Мамуку показать, в чем секрет. Мальчишка, снисходительно улыбаясь, с первого удара высек огонь.

Горожане были посрамлены.

„И вправду утратили первобытный инстинкт"—с досадой думалось мне. Вот лежит этот самый Мамука в одной рубахе на холодной и сырой земле, и ничего ему не сделается; а попробуй ты вот эдак растянуться— в лучшем случае отделаешься жесточайшим насморком, а то и воспаление легких заполучишь. И будет этот Мамука жить в родных горах, вставать и ложиться по солнцу, никогда не узнает вкуса невской или мытищинской воды с бациллами брюшного тифа, а всю

свою жизнь будет пить изумительную воду из родников, и будет он дышать не воздухом большого города, отравленного дымом фабричных труб и человеческими испарениями, а свежим, здоровым воздухом родных Матурских гор; и не будет он корпеть и сохнуть над пыльными делами в душной, прокуренной канцелярии, а будет ходить один-на-один на барса, легким звериным шагом взбираться на вершины гор (без всякой одышки и сердцебиения), соколиными глазами видеть на десятки километров, не торопясь, следить за вольным полетом орла в небе. И доживет он до ста тридцати лет, не зная ни аспирина, ни бор-машины, ничего не зная ни о ранних склерозах, ни о больном и изношенном сердце, ни даже о том, что делается „за закрытой дверью".

* * *

Цыплята изжарены. Мы идем в саклю и при свете свечи начинаем ужинать. Тут же в углу на тахте моложавая бабушка укладывает детей спать. Не раздевая, в том, в чем мы видели их на дворе, ребят кладут на грязные овчины и овчинами же закрывают сверху. Но в сакле горит свеча, незнакомые люди сидят вокруг табуретки, на которой стоит еда; эти люди говорят на незнакомом языке, и дети не хотят спать; они вылезают из-под овчин, смотрят на нас, потом, расшалившись, начинают играть. Они поочередно забираются на кучу овечьих шкур, скатываются с них, кувыркаются. Странно и как-то грустно слушать веселый детский смех в этой убогой, нищенской обстановке. Мы даем им сахару. Они тут же отправляют по куску в рот, остальной отдают бабушке, которая бережно заворачи-

вает сахар в бумагу и прячет. Шакро объясняет, что здесь сахар—большая редкость; на него смотрят почти как на лекарство: дают его только больным. Наконец дети засыпают. На другом конце тахты расстилаем войлок, предусмотрительно захваченный из Тифлиса Владимиром Александровичем, и ложимся, но мне закрыться нечем: мое пальто до сих пор не просохло от дождей и висит на дворе на веревке.

Владимир Александрович уговаривает меня взять его пальто; он пытается накрыть меня насильно, но я никак не могу на это согласиться: если Владимир Александрович будет спать открыты м, неизбежно простудится и он.

Дверь на двор открыта настежь, холодный ночной воздух беспрепятственно проникает в саклю и заставляет дрожать с головы до ног. У меня начинается озноб. Дверь нельзя закрыть потому, что в сакле, в другом углу тахты спят две женщины. Приходится подчиниться своеобразному представлению о правилах приличия, существующих в этой бедной, дикой стране. Но я никак не могу уснуть от холода и выхожу на двор. Яркий свет луны освещает волшебную картину гор. Все Матурское ущелье в белом тумане.

Шакро, который устроился на балконе, встает, уводит меня в саклю, заботливо закрывает своим одеялом. Я засыпаю.

13 августа

Встали в шесть часов утра. Солнца нет, холодно. Разорванные клочья тумана бродят вдоль ущелья, скрывают вершины гор.

После утреннего завтрака выясняется, что из трех заказанных с вечера лошадей привели только одну. Мы развиваем бешеную энергию, ругаемся, нервничаем. По заявлению Шакро, на лошадях, взятых в Душете, продолжать путь дальше никак невозможно: перед нами перевал, наиболее трудная часть пути; нужны свежие лошади, привычные к горам. Тех же, на которых мы доехали сюда, нужно вернуть обратно в Душет со стражником, который таинственным образом появился здесь, хотя мы оставили его в духане в Хоми.

Вокруг нас собирается порядочная толпа народа. Появляется наш хозяин, не ночевавший дома, еще несколько пшавов, стражник, две женщины, Мамука, весело скалящий зубы. Все оживленно говорят, о чем-то спорят. Мы требуем немедленно лошадей. Стражник, очевидно, получивший инструкцию содействовать нам во всем, энергично поддерживает наше требование. Тогда, обернувшись лицом к домам по ту сторону ущелья, пшавы начинают орать пронзительными голосами. Скоро там появляются трудно различимые фигуры людей и тоже что-то орут в ответ. Чаще всего повторяется слово „цхени" (лошадь). Наконец наши пшавы разглядели своими соколиными глазами где-то лошадей, которых, как они уверяли, седлают. Наконец и мы увидели этих лошадей; еще через полчаса они были около нас. Лошади оказались застоявшимися, дикими животными, которые лягались и кусались при всякой попытке вскочить в седло. После ливня, который вымочил нас до нитки перед Магарос-Кари, и вчерашнего дождя перед Шуапхо я совсем болен. С трудом я сел

Снежный мост.

на свою „кусачую" лошадь, в то время как ее держали с двух сторон под уздцы. Как только лошадь почувствовала меня в седле, она вырвалась из рук державших ее пшавов и бешено понеслась вниз, к каменистому руслу Матуры, усеянному развороченными глы-

бами скал. Я слышал, как мне вслед что-то кричали, воздух свистел в ушах; я чувствовал, что теряю равновесие и могу каждую минуту свалиться с лошади и разбиться об острые скалы. К счастью, все обошлось благополучно: лошадь вдруг смирилась и пошла шагом.

Из Матуры мы выехали в семь с половиной часов утра. Тропинка сначала шла по каменистому руслу бешеной Матуры; нам без конца приходилось переезжать и в брод и по зыбким мостам через бурный горный поток на пугливых, застоявшихся лошадях; наконец, переехав в последний раз на правый берег, мы стали пешком, ведя лошадей в поводу, подниматься вдоль кручи, поросшей густым кустарником. Когда полоса леса кончилась, тропинка пошла круто вверх по высокой безлесной горе, вершина которой, казалось, упиралась в самое небо.

Начинался Матурский перевал.

Вправо, внизу перед нами, начало Матурского ущелья; две струйки сбегают, беря начало из горных родников, и дают начало Матуре. Несколько ниже мы видим глыбу слежавшегося снега, потемневшего и промытого ручьем так, что получилось нечто в роде моста, перекинутого с одной стороны ручья на другую.

Мы взбираемся долго, без конца, по этой огромной крутой горе, и кажется, что никогда не доберемся до вершины; время от времени мы останавливаемся, тяжело дыша, и оглядываемся назад, на пройденный путь. Внизу лежит ущелье, покрытое густым лесом. Далеко, где-то внизу, видна деревушка Матура, из которой мы выехали несколько часов назад.

После двухчасового восхождения мы добрались до небольшой площадки, покрытой густой сочной травой. Здесь мы решаем отдохнуть. Усталые лошади с удовольствием щиплют траву. Мы разлеглись на разостланном пальто. Часы показывают десять часов тридцать

На высоте 3 350 метров.

минут. Утро прекрасное. Горячее солнце согрело воздух настолько, что мы без фуражек, в одних рубахах. Воздух чистый, свежий, бодрящий. Еще два часа назад я чувствовал себя насквозь простуженным, больным, разбитым, а сейчас и следа не осталось от моей болезни. Я чувствую себя бодрым, сильным, здоровым; появляется ощущение нарастающей силы. Что делают солнце и воздух гор!

Уже отсюда грандиозный вид: глубоко внизу, как на ладони, все Матурское ущелье от начала и до впадения в Уканашавское. Вдали цепь гор, окаймляющих Уканашавское ущелье. Далеко внизу видны игрушечные домики Матуры. Вокруг нас высятся великаны Главного кавказского хребта, обнаженные, сверкающие тонкими серебряными нитями ручейков, вытекающих из родников. Небо чистое, синее. Вокруг торжественная тишина, которая бывает только высоко в горах.

Шакро показывает перевал, ведущий в Хевсурское селение Лебайс-кари. Садимся на лошадей и едем узкой межой по хребту, который идет круто вверх. Впереди Шакро, за ним я на серой кобыле, сопровождаемый небольшим жеребенком мышиного цвета, за мной Владимир Александрович. Такой порядок зависит не столько от нашего свободного выбора, сколько от характера и взаимоотношений наших лошадей. Дело в том, что, кроме моей кобылы, у нас два жеребца. В том случае, когда мы пускаем вперед кобылу, жеребец, заключающий шествие, ни за что не хочет допустить, чтобы другой жеребец, на котором едет Шакро, шел за кобылой, и тогда на почве ревности разгорается ужасный бой двух самцов, дерущихся из-за самки. Лошади начинают бешено лягаться, кусаться, хурджины летят в кучу; маленький жеребенок тоже рад принять участие в свалке: как только который-нибудь из жеребцов приблизится к кобыле, он ловко и быстро наносит удар своим маленьким, но уже сильным копытом. Впрочем, и нам с Владимиром Александровичем изредка попадает от воинственного жеребенка: меня он лягнул в ногу, Владимира Александровича — в живот.

Небо синее, безоблачное; солнце греет во-всю; горный воздух, насыщенный запахом травы и цветов, наполняет все существо чудесной бодростью. Кроме нас, не видно ни одного живого существа.

У всех нас веселое, бодрое, прекрасное настроение. Так хорошо вдыхать всей грудью этот здоровый, бодрящий воздух гор, радоваться изумительной картине разлитой вокруг красоты. Мы смеемся и шутим, как дети.

Несмотря на то, что тропинка вьется круто вверх, пшавские лошадки, как кошки, взбираются по круче и вдоль кручи, неся на себе всадника. Когда пешком карабкаешься в гору, задыхаясь от усилий и прислушиваясь к напряженной работе сердца, естественно, не можешь так отдаваться созерцанию развернутой вокруг красоты, как тогда, когда спокойно покачиваешься в седле. Жалея лошадей, мы, проехав известное расстояние, слезаем и идем пешком; и животные, чувствуя доброе к себе отношение, благодарно трутся мордами о наши спины, а когда Владимир Александрович останавливается в позе отдыхающего, упираясь ладонями в бока (то, что называется фертом), его лошадь просовывает морду между боком и закругленной рукой, как бы желая выразить свою нежность.

Перевал уже виден: его острый гребень ясно вырисовывается на фоне неба. Перед нами последнее препятствие — крутая узкая ложбина, размытая дождями, совершенно смывшими тропу, лепившуюся по осыпающемуся шиферу. Мы останавливаемся в нерешительности: внизу под ногами развертывается пропасть, над головой — отвесная стена; но не возвращаться же обратно! Шакро пускает вперед свою лошадь и, уце-

пившись за хвост, как кошка, пробирается над кручей. Мы следуем его примеру, и скоро опасное место осталось позади.

У самого перевала мы замечаем стадо баранов, голов в пятьсот. Мы видим, как пастух, ловко разделив его на две части, гонит его нам навстречу. Скоро мы сходимся с ним. Это молодой тушин лет двадцати пяти, высокий, сильный, с мужественными чертами загорелого и обветренного лица. Он властным голосом отгоняет от нас огромных белых овчарок, охраняющих его стадо, подходит к нам, здоровается. После обычных в горах расспросов (кто вы, куда, зачем) он достает из-за пазухи тетрадь со стихами и предлагает нам послушать плоды его творчества. Мы садимся на обломки скал, окруженные со всех сторон белыми пушистыми овцами, и на высоте трех километров слушаем звучные стихи пастуха-поэта Гозарашвили.

Затем мы прощаемся и поднимаемся дальше. Дважды при солнце шел град. Затем с перевала повалили густые хлопья тумана. Солнце скрылось. Однако скоро туман спустился вниз в боковую расщелину; снова появилось солнце и осветило своим светом изумительную панораму. Но это было не надолго: в тот момент, когда мы достигли гребня Матурского перевала, вся окрестность была в густом тумане.

Двенадцать часов сорок минут дня

Мы на высоте свыше трех километров (три тысячи сто шестьдесят семь метров).

Высота Крестового перевала—две тысячи триста семьдесят девять метров. Высота Казбека—около пяти кило-

метров. Следовательно, мы на одном километре ниже Крестового перевала, на высоте трех километров, это — почти две трети высоты Казбека. Мы ставим машину на траву, садимся [illegible]

[illegible]

В это время неожиданно на самом гребне перевала из тумана вырисовываются четыре всадника. Завидев нас, они останавливаются. Вооруженные фигуры, вынырнувшие так неожиданно из тумана, кажутся грозными и таинственными призраками. Несколько секунд напряженного молчания. Неподвижные фигуры всадников точно изваяны. Напряженную тишину нарушает восклицание Шакро: он узнал одного из всадников и

окликнул его по имени. Всадники подъезжают к нам, соскакивают с лошадей, здороваются, расспрашивают Шакро, что мы за люди, куда едем. Шакро дает соответствующие пояснения.

Узнав, что мы едем посмотреть Хевсуретию, встречные, оказавшиеся хевсурами из селения Ликоки Борисахского теми, настраиваются к нам дружелюбно, сочувственно кивают головами, дают советы относительно предстоящего нам пути. Один из них—высокий, величественный старик, напоминающий, по удачному определению Владимира Александровича, арабского шейха, два—среднего возраста, четвертый — почти мальчик. Все вооружены винтовками, шашками и кинжалами; у двух из них на спине круглые щиты. Кафтаны из темной грубой шерсти, орнаментально расшитые на груди и спине цветным шитьем, издали похожи на кольчуги. Черты лица у всех чрезвычайно мужественные.

Попрощавшись с нами и легко вскочив на коней, они исчезли в тумане, точно растворились в нем. Глядя им вслед, Шакро объяснил, что это — кровники; поэтому они едут так осторожно и имеют такой зловещий вид.

В свою очередь и мы сели на лошадей и стали спускаться по ту сторону перевала в Чанчахское ущелье, ведущее в Пирикительскую (потусторонюю) Хевсуретию. Снова пошел град, скоро перешедший в крупный и частый дождь. Мы стали искать защиты, но ничего вокруг не было, где можно было бы укрыться от ужасного душа, портящего и наши вещи и наше настроение. На самом дне ущелья сквозь косые линии дождя мы заметили небольшое строение, куда мы направили все свое внимание и всю свою энергию.

По узким тропинкам, извивающимся среди шиферных скал, мы быстро спускались вниз; порядочно вымокшие, мы наконец добрались до цели, оказавшейся сторожкой для пастухов. Здесь мы нашли хевсура и двух грузин из Жинвальского теми. Хевсур, крепкий сорокасемилетний мужчина, плел веревку. Грузины с присущим им радушием приняли нас, помогли раздеться, усадили к огню на мешок с мукой.

В очаге ярко горит огонь. Мы старательно сушим свою обувь, а Шакро, завернувшись в бурку одного из грузин, сладко засыпает у огня.

Сейчас мы на территории Шатильского теми в Пирикительской Хевсуретии. От Шуапхо до Матуры считается десять километров, от Матуры до Хахабо, первого Хевсурского селения, километров восемнадцать.

Я никак не могу забыть того непередаваемого впечатления, которое произвело на меня путешествие от Матуры до перевала. Такой грандиозной, величественной красоты я, пожалуй, никогда еще не видал.

Там, на перевале, чувствуешь себя на грани миров, на рубеже вселенной. Обнаженные вершины, лишенные какого бы то ни было растительного покрова, вымытые дождевыми потоками, выветренные, изборожденные морщинами тысячелетий, стоят немыми свидетелями далекого прошлого. Внизу, вдоль грозных горных потоков — развороченные глыбы скал, хаос каменных громад, дикая первозданная красота. Там, куда ни бросишь взгляд, угадывается борьба космических сил, упорная, титаническая работа стихий, всех сил природы. И над всем этим — торжественная тишина, как-будто для того, чтобы лучше почувствовать тысяче-

летия, неслышно пронесшиеся над этим сказочным, величественным миром гор.

Часа через полтора дождь утихает, и мы едем дальше. Тропинка идет вдоль ручья, текущего по дну ущелья, которое, спустившись вниз, расширяется и представляет собой довольно широкий коридор, ограниченный отвесными скалами, прорытыми водами горного потока. Выше голых отвесных скал—округлые вершины, покрытые зеленью альпийских лугов. Кое где глаз различает пятна пасущихся хевсурских стад. Странная тишина царит в этом пустынном ущельи. Кажется, что журчанье ручья еще более подчеркивает странную, настороженную тишину этой дикой расщелины.

Под самой скалой мы видим небольшое, в рост человека, сооружение, сложенное из каменных плит; подъехав, мы видим внизу вделанную трубку, из которой струится чистая, прозрачная вода. В небольшом углублении, выше, лежит тщательно отделанный рог вместо кружки. На квадратной верхушке сооружения размещены разной величины куски горных пород. Такие источники в Хевсуретии сооружаются в память близкого, любимого человека. Мы останавливаемся, пьем из рога прекрасную ключевую воду и едем дальше.

И совсем скоро, обогнув выступ скалы, мы останавливаемся как зачарованные: перед нами на крутом склоне горы первое хевсурское селение Хахабо.

Селение небольшое — всего двадцать шесть домов; дома высокие, в два — три этажа, сложены из шиферных плит сухой кладкой; некоторые из них поражают своими размерами. Дома расположены террасами, все

с плоскими крышами; таким образом крыши домов, расположенных ниже, служат двором для домов, расположенных выше. Ни в самом селении, ни вокруг не видно ни одного дерева; вправо от селения — зелень огородов, обнесенная плетнем.

Очаг в хевсурском доме.

Нас встретили огромные белые овчарки, дети, гнавшие стадо, и женщины. Женщины большого роста, стройные; некоторые из них красивые, с правильными чертами лица; все приветливы, как грузинки. Одеты, так же, как и мужчины, в тяжелые шерстяные ткани, расшитые на груди и по бортам. Волосы обычно стриженые. Попадаются блондинки, еще чаще рыжие; на

головах — нечто в роде невысокого кокошника, расшитого цветными нитками и бисером. У замужних женщин, кроме того—головные платки, „мандили".

К нам подходят мужчины, дружелюбно здороваются с нами, шумно и радостно приветствуют Шакро. Затем нас ведут в один из ближайших домов. Сначала мы беседуем на террасе, вернее — плоской кровле, а затем через узкую и низкую дверь входим в дом осмотреть внутреннее убранство. Мы попадаем в просторное помещение, темное, сплошь заставленное какими-то вещами. Скудный свет проникает через небольшое узкое окошко. Для того, чтобы толком рассмотреть внутренность дома, мы зажигаем свечу, предусмотрительно вынутую из хурджин Шакро. Нашим взорам представляются стены и высокий потолок, покрытые густым слоем блестящей копоти, точно покрытые лаком. У одной из стен—сложенный из камней очаг, над которым висит на цепи закопченный котел. Вокруг очага уровень земляного пола понижается на восемнадцать сантиметров и образует несколько удлиненный четырехугольник. Тут же вдоль стены стоят мешки с мукой и зерном, какие-то огромные хозяйственные ящики, навалены сбруя, одежда; на стене висит разнообразное оружие; вдоль других стен грубой работы, тяжелые скамейки, трехногие табуреты. Над головами, под потолком, перекинуты закопчённые жерди; с них спускаются нанизанные на нитку бараньи „бабки" (по-грузински „кочи"); нам объясняют, что по количеству этих косточек ведут счет зарезанной и съеденной скотины. За плотной занавеской — вход в другое помещение, где спят женщины.

Общее впечатление не очень приятное: темно, тесно, неопрятно, неуютно.

Мы выходим снова на каменную террасу. Нас окружают три взрослых хевсура, кистин и два мальчика; один из них—лет десяти, другой—лет четырех; старший с кинжалом на поясе. Лица у всех того темновато-кирпичного цвета, который бывает у людей, проводящих все свое время на воздухе, подвергаясь действию солнца, ветра, непогоды. Черты мужественные, но лица в общем добродушные.

Один из мужчин, хозяин дома, высокого роста, мускулистый, рыжеватый, с голубыми глазами; второй — среднего роста, широкоплечий, видимо, человек большой физической силы. Кистин — стройный, ловкий, с лукавым выражением лица; и наконец четвертый из мужчин — хевсур лет сорока, среднего роста, с очень выразительным, осмысленным и приятным лицом, как оказалось, местный хевисбер.

Из расспросов выясняется, что хевисберство здесь наследственное: и отец и дед его были также хевисберами.

На все наши вопросы хевсуры отвечают охотно, с полной готовностью; однако нам показалось, что, когда мы касаемся вопросов религии, хевисбер старается дать уклончивый ответ.

Кровная месть весьма распространена по всей Хевсуретии. Наши собеседники подтвердили описанный Урбнели в „Этнографических очерках“ обычай, существующий у хевсур: прекращать кровопролитие, когда в толпу дерущихся вбегает женщина и сдергивает с головы „мандили“.

Погода разгулялась. Солнце золотит верхушки гор. Совсем близко, в просвете ущелья видны белоснежные вершины Главного кавказского хребта.

В шесть часов вечера мы прощаемся с хахабойцами, садимся на лошадей и едем дальше. Нас усиленно приглашают остаться, предлагают поесть и отдохнуть, но мы решаем добраться сегодня же до Ардоти.

Хевисбер в знак внимания к гостям провожает нас до выезда из селения, до линии огородов; здесь он еще раз пожимает всем нам руки и желает благополучного путешествия.

Необходимо отметить одну черту, невольно бросающуюся в глаза: хевсуры, оказывая нам знаки внимания, вместе с тем сохраняют удивительное достоинство; невольно чувствуется, что хевсуры всегда были свободным народом, не знавшим никакого гнета, никакого подчинения. В этом смысле был особенно интересен хевисбер: помогая мне сесть на лошадь, он держал стремя, но он делал это с таким видом, что я чувствовал, что он нисходит до меня, оказывая мне этим честь.

Проехав огороды, мы стали спускаться вниз к речке по тропинке, заросшей гигантскими лопухами. Три молодые, красивые девушки работали в поле. На мое приветствие они ответили просто и приветливо; затем, весело смеясь, стали что-то спрашивать. К сожалению, из-за шума речки я не смог расслышать вопросов.

Тропинка спускается к самой речке и входит в тесное и дикое Ардотское ущелье. По крутой, узкой тропинке, лепящейся вдоль бурливой и шумной речки Ардотис-цхали, мы едем в селение Ардоти. Бесконечное

число раз мы переезжаем в брод стремительные воды потока. Местами речка, сдавленная скалами, бешено бурлит и затем, вырвавшись на свободу, несет свои пенистые воды шумным ревущим потоком. Часто вследствие крутого падения русла образуются водопады; трудно представить, сколько дикой, неукротимой энергии таит в себе такой горный поток, когда, низвергнувшись с вышины, он ворочает и катит огромные валуны. Мы любуемся дикой, нетронутой красотой, поражающей своим величием на каждом шагу.

По мере того, как мы продвигаемся вниз по течению, поток приметно увеличивается; теперь мы переезжаем его не в брод, а по бревнам, перекинутым над ним со скалы на скалу. Лошадь, вступая на такой зыбкий мостик, опускает голову, внимательно присматривается и обнюхивает дерево, точно проверяя, выдержит ли мост ее тяжесть. У последнего такого моста, перед самым селением Ардоти, произошел интересный эпизод: Шакро, спрыгнув с седла, повел свою лошадь по бревнам; выждав, когда он съехал на берег, я направил свою к мосту, решив проехать по бревнам верхом; однако моя кобыла, подойдя к самому мосту, обнюхала бревна и свернула к речке, собираясь переходить ее в брод. В виду того, что в этом месте и ширина и, главным образом, течение были значительны, переправа в брод представляла опасность, так как огромные камни, несущиеся силой течения, могли сбить с ног лошадь и искалечить ее. Я сошел с лошади и повел ее в поводу. Лошадь, дойдя до моста, снова внимательно обнюхала бревна и снова направилась к речке. Наши повторные попытки ни к чему не привели;

лошадь определенно не доверяла этому мосту и предпочитала рисковать целостью своих ног, переходя поток в брод. Ничего не поделаешь: пришлось уступить настойчивости животного. Мы сняли с седла хурджины, Шакро взял в руки длинную веревку, привязанную к шее лошади, и пошел по мосту. Лошадь без колебаний вошла в воду, за ней прыгнул жеребенок и к нашему удивлению через минуту оба животные благополучно выбрались на противоположный берег.

После этого моста, выйдя из-за поворота, мы увидели высоко на скале селение Ардоти с высокой старинной башней. Несмотря на усталость от трудного дневного перехода, мы остановились и долго любовались этим орлиным гнездом вольного горного народа. Шакро заявил, что надо торопиться, так как он решил вести нас на ночлег к своему приятелю Нико Мургули, живущему выше селения в отдельно стоящем доме.

Было восемь часов, стемнело. Измученные лошади едва шли в гору. Поднявшись через все селение, мы продолжали карабкаться по крутой горе. Наконец, когда и мы и лошади окончательно выбились из сил, показался приветливый огонек дома Нико.

Нико Мургули оказался необычайно гостеприимным хевсуром, знающим русский язык.

Нас ввели в просторное и относительно чистое помещение. В очаге ярко пылал огонь. Нас усадили на диван, покрытый ковром; хозяин собственноручно стянул с каждого из нас мокрые сапоги, дав плотные вязаные хевсурские туфли.

Хозяин собрался зарезать для нас барашка, но мы решительно запротестовали; тогда нам стали готовить

чохахбили. В то время как мы сушились и грелись у огня, две женщины хлопотали над приготовлением ужина: одна из них пекла хлеб—размяв тесто в виде толстого блина, она положила его на круглый, плоский камень, висевший над огнем; другая ощипывала ку-

Общий вид Ардоти.

рицу, затем, вооружась большими ножницами, которыми обычно стригут баранов, стала кромсать небольшие кусочки бараньего мяса и сала в котел, также висевший над огнем. На наши шутки они отвечали также шутками, держась совершенно непринужденно.

Говорят хевсуры на чистейшем грузинском языке, и мы их без труда понимали. Необходимо отметить,

что выговор у них несколько грубый и более гортанный, чем у грузин; слушая их, я вспоминал говор курдов.

Кроме нас, в доме еще два гостя: молчаливый кистин и величественный старик-тушин, державшийся с необычайным достоинством. Таким образом под кровом нашего гостеприимного хозяина-хевсура собрались: тушин, кистин, осетин (Шакро) и мы с Владимиром Александровичем — русские.

Когда еда была готова, к дивану подали небольшой столик, покрытый какой-то старой афишей (прежний дар Шакро), за который уселись все мужчины, кроме кистина — будучи магометанином, он ел отдельно. Женщины продолжали оставаться у очага; они принимали участие в общем разговоре, вставляя свои замечания, но подавая еду или посуду, останавливались шагах в трех от стола и передавали то, что было в руках, хозяину дома, который устанавливал принесенное на столе.

Хозяин, тушин Андро и Шакро ели из одной миски, поочередно вылавливая из нее пальцами с помощью хлеба куски мяса; Владимиру Александровичу и мне подали отдельные миски. Несмотря на волчий голод, аппетитный вид кушанья и возбуждающий запах, я не мог есть чохахбили — так остро, а главное, так солоно оно было приготовлено. Ужин был с водкой. Нико наливал ее из большого глиняного кувшина в небольшой рог и передавал по очереди каждому из гостей; первому вручил величественному старику Андро. Несмотря на то, что мы сидели недалеко от очага, в котором ярко горел огонь, отчего всем нам было почти жарко,

в одних рубашках. Андро не снял ни своей великолепной плотной бурки, ни круглой шерстяной шапочки с головы; капли пота блестели на лбу, но он сидел спокойный, величественный, необычайно скупой на слова и движения. Когда Шакро почтительно задавал ему вопрос, он продолжал сидеть все так же неподвижно; проходило достаточно времени, и мы начинали уже думать, что старик не слышал вопроса или не считает нужным ответить, когда, оставаясь все в той же позе, даже не повернув головы в сторону собеседника, он начинал говорить, не торопясь, не громко и не слишком тихо, будучи уверенным, что каждое его слово слушается всеми с глубочайшим вниманием.

Жена брата Нико Мургули. Ардоти.

Приняв рог с водкой, Андро, нимало не заботясь о том, что рог один, а пьющих, кроме него, еще четверо, продолжал сидеть все с тем же невозмутимым величием. Затем, слегка приподняв рог, наполненный

водкой, он сказал тост: он желает благополучия дому хозяина и доброго здоровья всем членам его семьи; кроме того, он желает благополучия гостям хозяина, прибывшим издалека и путешествующим в горах. Затем почти изящным движением руки он поднес рог ко рту и медленно его осушил; потом опрокинул его над землей, видимо, желая показать, что он не хотел обидеть хозяина и выпил все, до капли.

После него пил Владимир Александрович, потом я. Водка—приятного вкуса, но значительно слабее нашей, русской. После ужина я с удовольствием растянулся на огромной деревянной кровати, покрытой паласом, а Владимир Александрович затеял беседу с хевсурками: угощал их монпансье, которое они сокрушающе дробили своими белыми крепкими зубами, демонстрировал свой перочинный нож с пилками, ножницами и проч. Хозяин снял со стенки „чонгури", извлекал из струн грустные расстроенные звуки и что-то импровизировал.

Под эти звуки я уснул крепким сном.

14 августа

Выспались мы отлично. Сейчас прекрасное солнечное утро. Я сижу на плоской крыше перед домом Нико, любуясь на изумительную окраску неба, лежащее внизу подо мной Ардотское ущелье, высокие горы, обступившие нас со всех сторон. Недалеко от меня источник с чистой, прозрачной водой, где утром мы отлично вымылись. Только-что был обильный завтрак: молоко, масло (здесь оно только топленое, желтое, крупинками), сыр, хлеб, баранина, цыплята, опять водка. Жен-

щины, как и вчера, оставались у очага, время от времени принимая участие в общем разговоре. Несмотря на пору, как-будто не положенную для питья водки, и хозяин и Андро (мы решительно отказались) тянули рог за рогом, впрочем, оставаясь совершенно трезвыми.

Дом Нико Мургули.

По моему впечатлению вчера старик Андро, имеющий за плечами добрых шестьдесят пять лет, осушил не меньше семи — восьми этих рогов; сегодня за утренним завтраком примерно столько же, и после этого он как ни в чем не бывало вышел из-за стола и легкой, почти юношеской походкой направился во двор к своей лошади.

Голова нашего хозяина перевязана платком; из расспросов выяснилось, что не так давно он и его брат были тяжело ранены во время драки в голову. За свою рану он должен получить от обидчика выкуп. Делается это таким образом: суд стариков (рджули) выясняет обстоятельства ссоры, вымеряет рану, укладывая в нее известным образом зерна пшеницы, и проливший кровь должен уплатить выкуп коровами соответственно величине и глубине раны. Как-раз сегодня в Ардоти должны прибыть члены рджули, которым предстоит примирить врагов; нам сказали, что Нико и его брат должны получить двадцать пять коров.

* * *

Спустились в селение. Первое, что привлекло наше внимание, было „самревло". В стороне от тропинки сложено небольшое строение из шиферных плит с узким и низким входом и небольшим окном без признака рамы или стекла. Чтобы иметь представление о размерах, достаточно сказать, что взрослому человеку одинаково трудно стать во весь рост или лечь вытянувшись в подобном помещении.

Перед входом в самревло на небольшой площадке сидела молоденькая хевсурка, на вид лет восемнадцати, и кормила грудью ребенка. Рядом с ней сидела девочка лет четырех, как оказалось, сестренка, принесшая ей еду. Хевсурка недавно родила и теперь высиживала положенное время в „самревло," чтобы очиститься. В нескольких шагах, на кустах, было развешено платье; в отверстие входа на земляном полу была видна охапка соломы, служившая постелью родильнице и

новорожденному. Вот в таких „самревло“ по всей Хевсуретии женщины проводят несколько дней каждый месяц в период менструаций и около месяца во время

Нико Мургули и его брат среди своих гостей.

родов. И это делается, не взирая ни на время года, ни на погоду; в хевсурских же селениях, расположенных обычно на высоте двух километров над уровнем моря, зимой, когда горы покрыты глубоким снегом, морозы доходят до двадцати градусов.

Легко представить себе, какой одинокой и несчастной чувствует себя больная женщина, особенно ночью; с ней не говорят, от нее отворачиваются. С роженицей в течение двух недель со дня родов не говорят ни мужчины, ни женщины, а деканоз (духовное лицо)— в течение целого месяца. Даже от своей же сестры — женщины—роженица не может ждать помощи; ей только приносят пищу, которую обычно, не входя в самревло, опускают через отверстие, проделанное в крыше жилища.

В то время как несчастная, беспомощная женщина, разрешившаяся без всякой помощи, коротает свои дни в полном одиночестве, муж ее караулит на крыше самревло с ружьем в руке, чтобы дьявол не убил ребенка. Впрочем, в последнее время хезсуры-мужья считают вполне достаточным оставлять для защиты ребенка заряженное ружье и таким образом освобождают себя от скучного занятия охранять самревло.

Перед тем, как вернуться в дом, женщина должна выкупаться, выстирать платье и вымыть всю бывшую с ней посуду.

По истечении двух недель после родов режется скотина, и ее кровью окропляется дом. Перед самым возвращением родильницы домой вторично режется скотина (овца или теленок); кровь жертвенного животного собирается в чашку, и этой кровью окропляются стены и столбы дома; после этого роженица может вернуться домой.

В двух десятках шагов от самревло мы увидели помещение несколько меньших размеров, также сложенное из шифера; перед входом лежала молодая

овчарка. Невольно напрашивалось сравнение между самревло и этой собачьей конурой.

По шатким жердям, перекинутым на значительной высоте, мы пробрались в дом отца Нико — столетнего старика Мургули. Наша встреча с ним произошла на узком подобии балкона с неизбежными жердями под ногами, заменяющими здесь доски. Отец Нико — высокий, еще прямой, бодрый старик, с лицом, покрытым густой сетью морщинок, но с живыми голубыми глазами. Крупный нос в шрамах от боевого кольца хевсур „сацерули". Борты расшитого кафтана красиво оторочены мехом барса.

Возраст старика, несмотря на бодрый вид, как-то угадывается и внушает невольное почтение. Я спросил его, не болеет ли он какими-нибудь болезнями. Нет, он здоров, ничем не болен. Тогда я спросил: болел ли он когда-нибудь какой-нибудь болезнью? Старик сморщился от неприятных воспоминаний: да, он болел, он очень болел. Чем же? Несколько лет тому назад ему прострелили руку. Старик показывает мне кисть левой руки, обезображенную, с двумя отстреленными пальцами. Вот все болезни, которые он знал за свою долгую столетнюю жизнь.

Старик ведет нас в свою комнату. Комната чистая, опрятная; земляной пол выметен, постель прибрана, на стене висит литография, изображающая Петра Великого; недалеко от нее мастерски сделанная „чонгури"—работа старика. Я обращаю внимание на странное освещение комнаты—ровный матовый свет; присмотревшись, я замечаю, что на окне вместо стекол натянут бычачий пузырь. Мы снова выходим на балкон.

Старик спрашивает, верно ли, что в городах с аршина перешли на какую-то другую меру; мы, как можем, рассказываем, что аршин заменен новой мерой — метром. Тогда старик выносит из комнаты длинную, ровную кизиловую палку, очищенную от коры, и просит отметить на ней метр. Мы с Шакро отмеряем, я делаю зарубку. Старик бережно уносит палку обратно в комнату, а Владимир Александрович шутит над тем, что мы ввели в Хевсуретии „метрическую систему".

Между тем наше внимание привлекают странные звуки, несущиеся снизу, со двора. Мы подошли к перилам и увидели следующую картину: хуцес, с головой, перевязанной красным платком, и ножом в руке, обратившись лицом на восток, читал нараспев не то молитву, не то какие-то заклинания; у его ног сидел на корточках хевсур и держал небольшого, хорошенького козленка с детскими глазами. Эта оригинальная группа, освещенная яркими лучами солнца, производила сильное впечатление: готовился обряд жертвоприношения (самхто). Окончив молитву, хуцес стал закалывать бедного козленка, который надрывал душу своим ужасным криком убиваемого ребенка. Омочив руку в крови жертвенного животного, хуцес обмазал лоб жертвователя.

16 августа

Из Ардоти мы выехали часов в десять утра. Тропинка идет вниз, по ручью Ардотис-цхали. Опять ущелье, опять головоломные тропинки, опять ревущий поток.

Километрах в трех от Ардоти была любопытная встреча: навстречу нам двигалась группа людей—впереди

всех мальчик гнал козла, следом за ним гуськом двигались пять всадников. Когда мы сошлись на берегу потока, в этом месте достаточно широком, чтобы разойтись, пошли рукопожатия, расспросы; в этих местах встречи так редки, а свободного времени так много, что встречные не торопятся расходиться.

Все сошли с лошадей; мы стоим среди скал, на берегу потока и мирно беседуем с этими людьми, которых видим в первый раз в жизни. Выясняется, что наши встречные, среди которых один старик-кистин, едут в Ардоти судить и мирить кровников и, следовательно, в некотором роде представляют собой выездную сессию оригинального местного суда „рджули". Козел же явится поистине козлом отпущения, так как его зарежут и съедят перед примирением.

Распрощавшись с встречными, мы двинулись дальше. Около двенадцати часов дня издали открылся сказочный вид на селение Муцо. Нашим взорам представился на высокой остроконечной горе каменный городок с башнями, очень напоминающий издали средневековый замок. Хахабо необычайно живописно, еще более живописно Ардоти; Муцо превосходит своей красотой и живописностью и Хахабо и Ардоти. Мы подъезжаем к подножью горы, на вершине которой раскинулся городок, расспрашивая Шакро о населении. К нашему удивлению, наш словоохотливый проводник на этот раз дает уклончивые ответы.

В виду того, что по крутой тропе подняться верхами в Муцо невозможно, решаем оставить лошадей внизу. Лошади без всякой охраны и присмотра пущены на траву; хурджины сняты с седел и составлены в кучу.

Мы начинаем подниматься вдоль небольшого засеянного участка ржи вверх по течению горного ручья. Нависшие скалы закрывают от наших взоров селение; мы видим впереди себя только небольшую водяную мельницу и два—три каменных строения, в которых некогда погребались жители Муцо; это—могильники, в которых, как уверяет Шакро, и по сей день сохраняются трупы.

Усталость, накопившаяся за все эти дни, сказывается: мы малодушничаем и хотим повернуть обратно, когда подъем делается особенно крутым и трудным. Шакро долго уговаривает и соблазняет нас, но мы не сдаемся; тогда он пускает в ход самый большой свой козырь: он открывает нам, что этот сказочно-красивый город мертв: там никто не живет, жители оставили его.

Этого было достаточно, чтобы мы с новым рвением стали карабкаться наверх.

Добравшись до одной из гробниц, которая представляет собой каменное строение метров пяти в длину, трех в ширину и двух в высоту, мы заглянули в единственное, квадратной формы окошко (шестьдесят на шестьдесят сантиметров) на высоте пояса; нашим глазам представилось следующее: вдоль трех стен покоем в два яруса устроены широкие шиферные лавки, на которых лежат скелеты; некоторые из них стоят, прислоненные к лавкам, одна фигура с остатками полуистлевшей одежды сидит в жуткой неподвижности. На полу между лавками трупы навалены в полном беспорядке. Осмотрев эту гробницу, я пробрался ко второй, у самого края обрыва. Там та же картина: те же шиферные полки, так же скалят зубы страшные мертвецы. Осо-

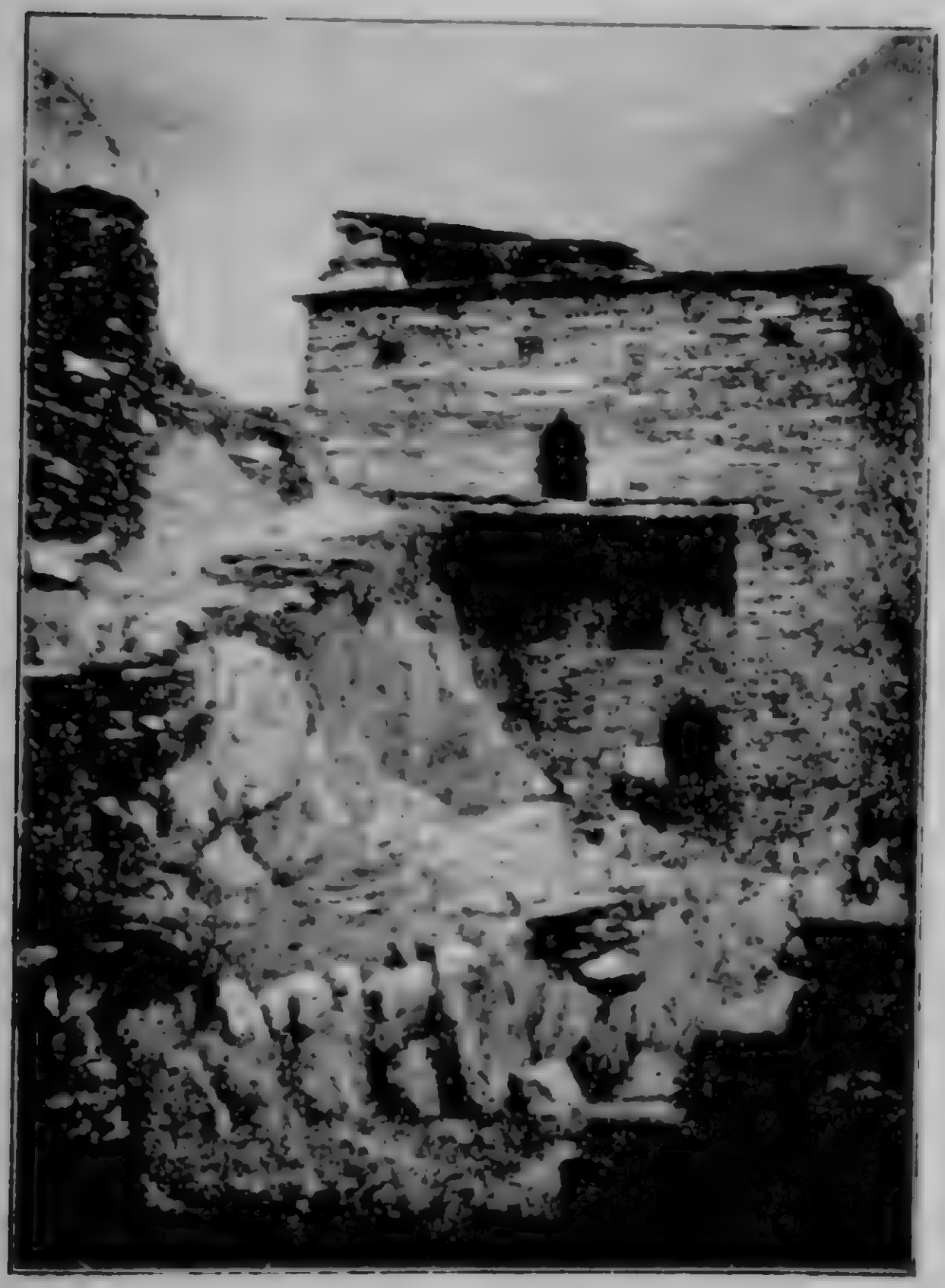
Муцо излази.

бенно жуткую деталь представляет сидящий труп с отъеденной головой. Недалеко от окна на скамье отдельно лежит челюсть с прекрасными зубами.

С несколько омраченным настроением, как это обычно бывает после посещения кладбищ, похорон и проч., мы снова продолжали восхождение и скоро достигли первых строений. Странное чувство охватывает нас, когда мы двигаемся среди этого мертвого, покинутого городка. Каменные дома в два—три этажа прекрасно сохранились, и когда заглядываешь внутрь, кажется, что совсем недавно здесь пульсировала живая жизнь. Только высокая башня, самая верхняя, господствующая над городком, пострадала от времени: одна из стен обвалилась, и кажется, что вся огромная каменная башня наклонилась вперед и вот-вот обрушится. Здесь жили Дайаури, Чолокашвили, положившие начало роду князей Чолокаевых, род Торгва, окруженный легендами, здесь скрывался грузинский царевич Александр, этот неутомимый заговорщик и заклятый враг самодержавной России.

Под навесом я вижу небольшой медный колокол; я подхожу к нему и слегка ударяю языком по краю; раздается чистый металлический звук, странно замирающий в тишине мертвого городка.

Мы садимся на ступеньки одного из домов, делясь своими впечатлениями. В это время по ступенькам, ведущим вниз, к другому дому, медленно поднимается великолепный домашний петух с ярко-красным гребешком, красивой рыжеватой грудью, нарядным пестрым хвостом. Он с удивлением разглядывает нас; с неменьшим удивлением разглядываем его и мы. Этот живой



Один из домов Муцо.

петух среди мертвого городка на высокой, неприступной скале кажется нам выходцем с того света. Однако все объясняется самым прозаическим образом: в Муцо один дом обитаем; в нем живет кистин, которому и принадлежит этот петух. Однако этого кистина не оказалось дома.

Башня Дайаури в Муцо.

Мы подошли к обрыву, в сторону бокового ущелья, огибающего Муцо с тыльной стороны, и увидели десятка полтора гробниц, рассеянных по склону ущелья. Все они того же типа, что и те гробницы, которые мы только-что осматривали; впрочем, издали кажется, что они

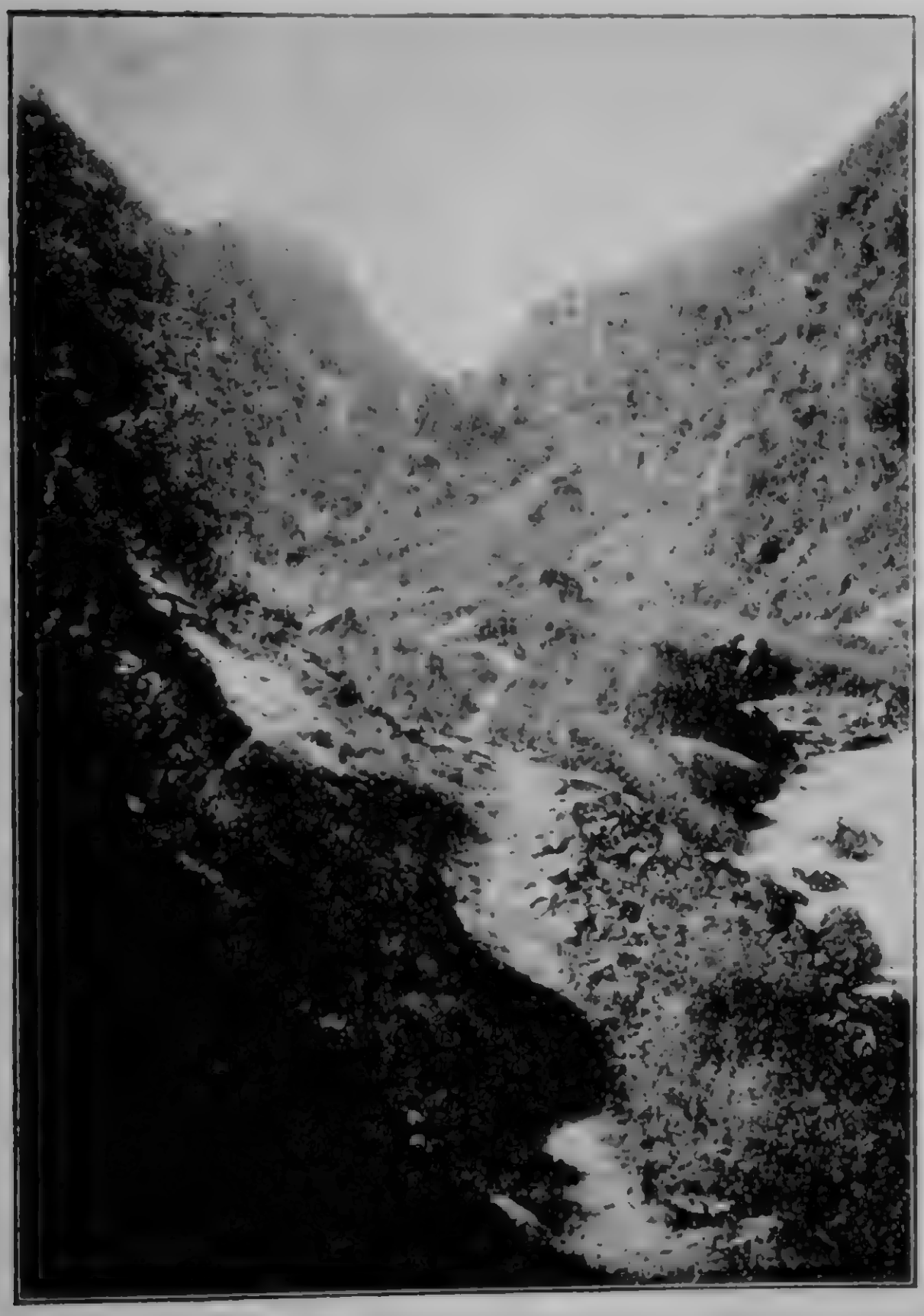
Дом кистина в Муцо.

выстроены несколько более тщательно: та же двускатная крыша, скрепленная посередине рядом шиферных плит, но вся кладка кажется аккуратнее; кроме того, над окном неглубокая ниша, сходящаяся наверху под острым углом.

Башня Торгвы. Муцо.

Мы спускаемся с горы, находим в полном благополучии и лошадей и вещи, садимся и едем дальше.

Ущелье местами расширяется, и тогда оба берега Ардотис-цхали представляют собой чудный зеленый луг, пестреющий яркими полевыми цветами. Кругом все



Тропа от Муцо к Анатори с видом на Муцо.

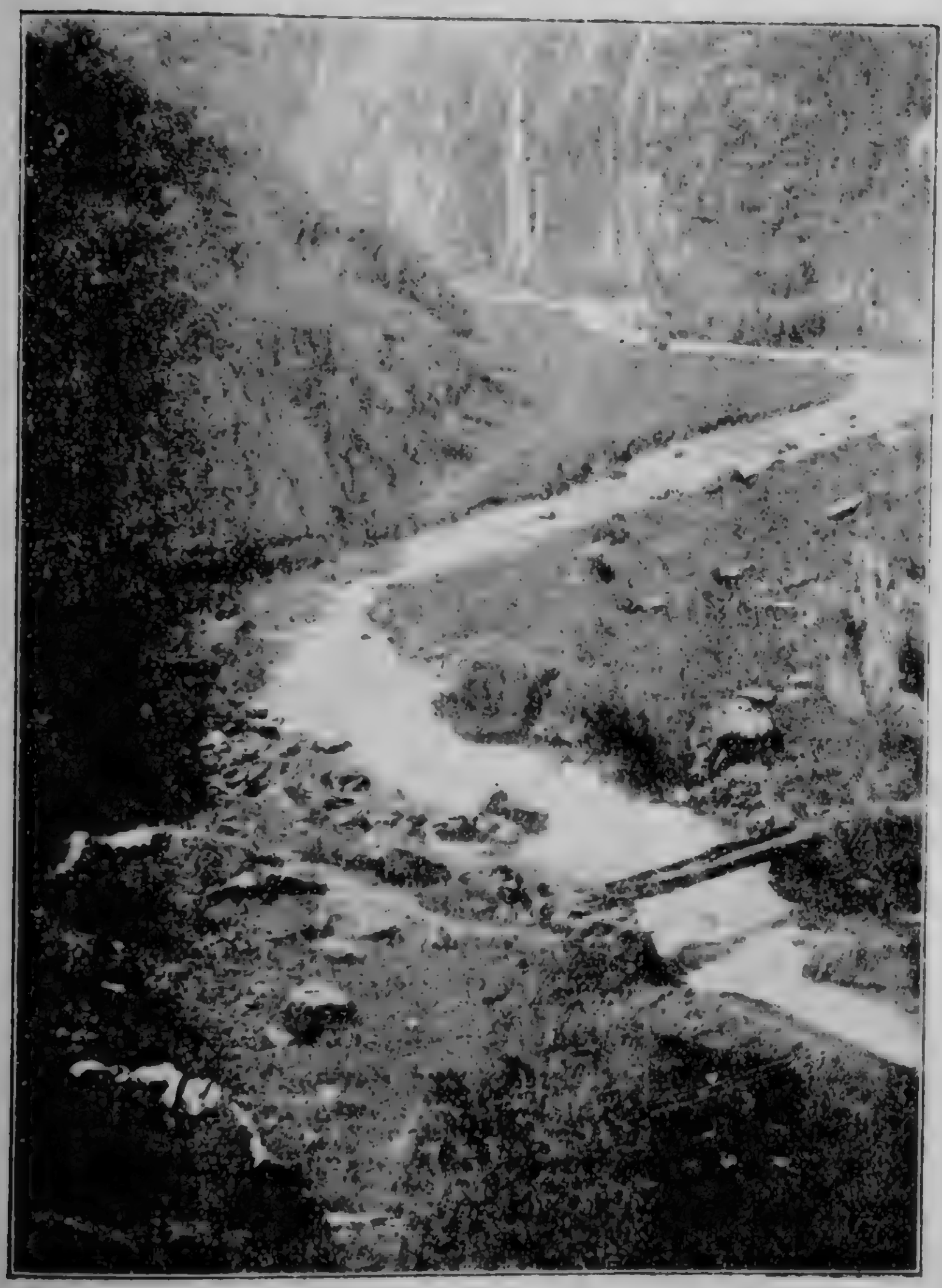
дико, величественно и пустынно. Мы начинаем привыкать к полному безлюдию, которое вначале нас так изумляло. Однако здесь отсутствуют не только люди, но даже животные и птицы. Временами кажется, что

все эти леса, мимо которых мы едем, совершенно лишены животного населения; только раз мы видели огромную дикую кошку. Шакро, ехавший впереди, стал делать мне знаки рукой, я подъехал и увидел шагах в тридцати от себя, у самой речки, крупного, красивого хищника. За шумом воды кошка не слышала шагов наших лошадей и спокойно сидела у потока, греясь на солнце. Мы остановили лошадей и ждали Владимира Александровича. Однако кошка почуяла нас и легкими прыжками стала уходить в горы.

Раза два тропинка сворачивала несколько в сторону, и тогда мы карабкались по ступенькам, выбитым в скалах, на порядочную высоту, затем снова спускались к речке и ехали по левому ее берегу. В одном месте Шакро заволновался: тропинка здесь раздваивалась— одна шла куда-то в сторону круто вверх, другая вела прямо к стремительным водам бешеного потока. Постояв на распутьи с полминуты, Шакро направил свою лошадь к речке. Мы последовали за ним. Вода доходила лошадям по брюхо, но течение сносило их вниз вдоль высокой отвесной скалы. Мы подняли ноги почти на шею лошади, но речка становилась все глубже и глубже, и мы основательно подмокли. Выбравшись на берег, мы скоро доехали до родника, у которого смогли наконец утолить давно нас мучившую жажду.

Было около пяти часов вечера, когда мы увидели впереди себя Анатори, описанные Раддде и доктором Худадовым.

Анатори расположено на скале в трех километрах от Шатиля, при слиянии Ардотис-цхали и Шатилис-цхали на высоте метров шестидесяти от уровня вод. Трудно



Ущелье реки Аргуна (Шатилис-цхали) у Анатори.

представить себе место более мрачное: куда ни взглянешь, везде видишь дикие таинственные ущелья, по дну которых несутся гремящие ручьи. Высокие горы обступили со всех сторон это место; поэтому чувствуешь себя здесь как на дне колодца, и хочется вырваться и бежать отсюда. Здесь сходятся три ущелья: Ардотис-цхали, Шатилис-цхали и Аргуна, который составляется водами Ардотис-цхали и Шатилис-цхали. На той стороне Шатилис-цхали видны развалины селения, которое носило название Анатори; населял его род Анаторели. По преданию, род этот вымер от какого-то эпидемического заболевания. Эти же гробницы унаследовали свое название от прежде бывшего здесь селения.

Мы привязали лошадей к деревьям и приступили к осмотру гробниц.

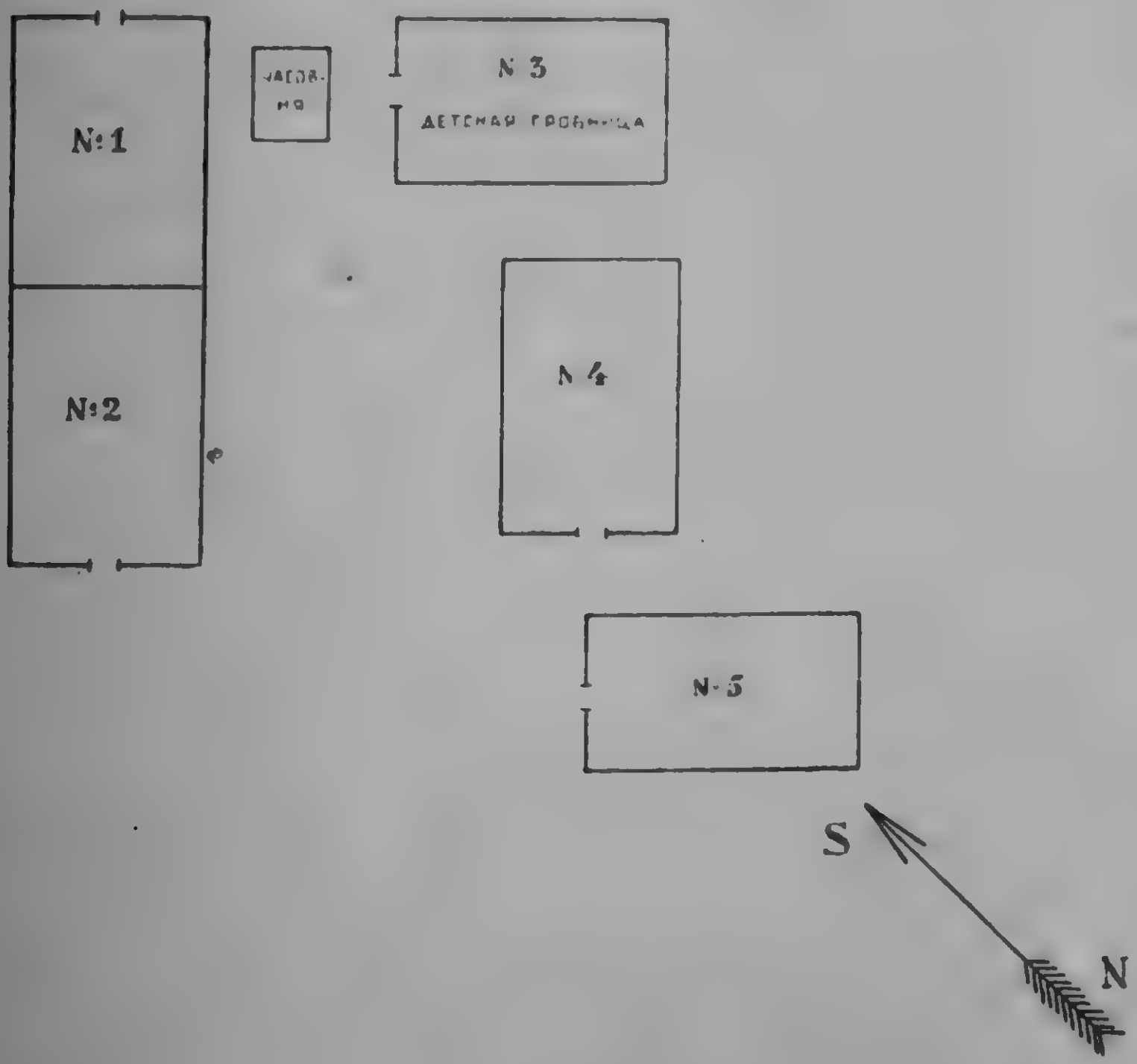
Всех гробниц пять; кроме того, имеется небольшое строение, по виду напоминающее часовенку. Две гробницы соединены между собой. Все они очень напоминают те, которые мы видели в Муцо: те же шиферные полки, так же и на них и на полу между ними навалены целые скелеты и отдельные кости.

Владимир Александрович через узкое окно проникал в следующие из них: № 2, № 3 (детская), № 4 и № 5 (см. план). Мы с Шакро заглядывали в окна и наблюдали, как Владимир Александрович, ступая по наваленным на полу скелетам, освещал колеблющимся светом свечи мрачную гробницу, где нашли свой покой предки ныне живущих хевсур.

Вот что дал осмотр этих гробниц:

№ 2. Налево от окна лежит скелет взрослого человека; под головой—камень. Сохранились верхние ребра

и таз. На той же скамье ногами к нему лежит второй скелет, хорошо сохранившийся, но с отъеденной головой. На нем рубаха из серой материи. На противопо-



План Анатори.

ложной полке в глубине—два скелета рядом, на них навалено тряпье. Направо у окна скелет в сидячем положении; все кости сохранились. Затем женщина в синем платье с остатками головной повязки. На пол-

ках и на подоконниках—масса помета мелких грызунов. На полу в беспорядке масса трупов.

№ 3 (детская). Впереди гробик в метр длины, сорока пяти сантиметров ширины; в нем женская рука с сжатыми пальцами. Второй гробик (тридцать шесть на четырнадцать сантиметров) — сохранилась только материя: ребенок, видимо, съеден. Затем две люльки: одна—на полу, другая—на правой скамье. На полу—мешки с соломой, горшочки, священные рогатки; в правом углу у самого потолка—полка в виде трапеции с закругленным основанием. На полу и на скамьях куча черепов и костей детей и подростков.

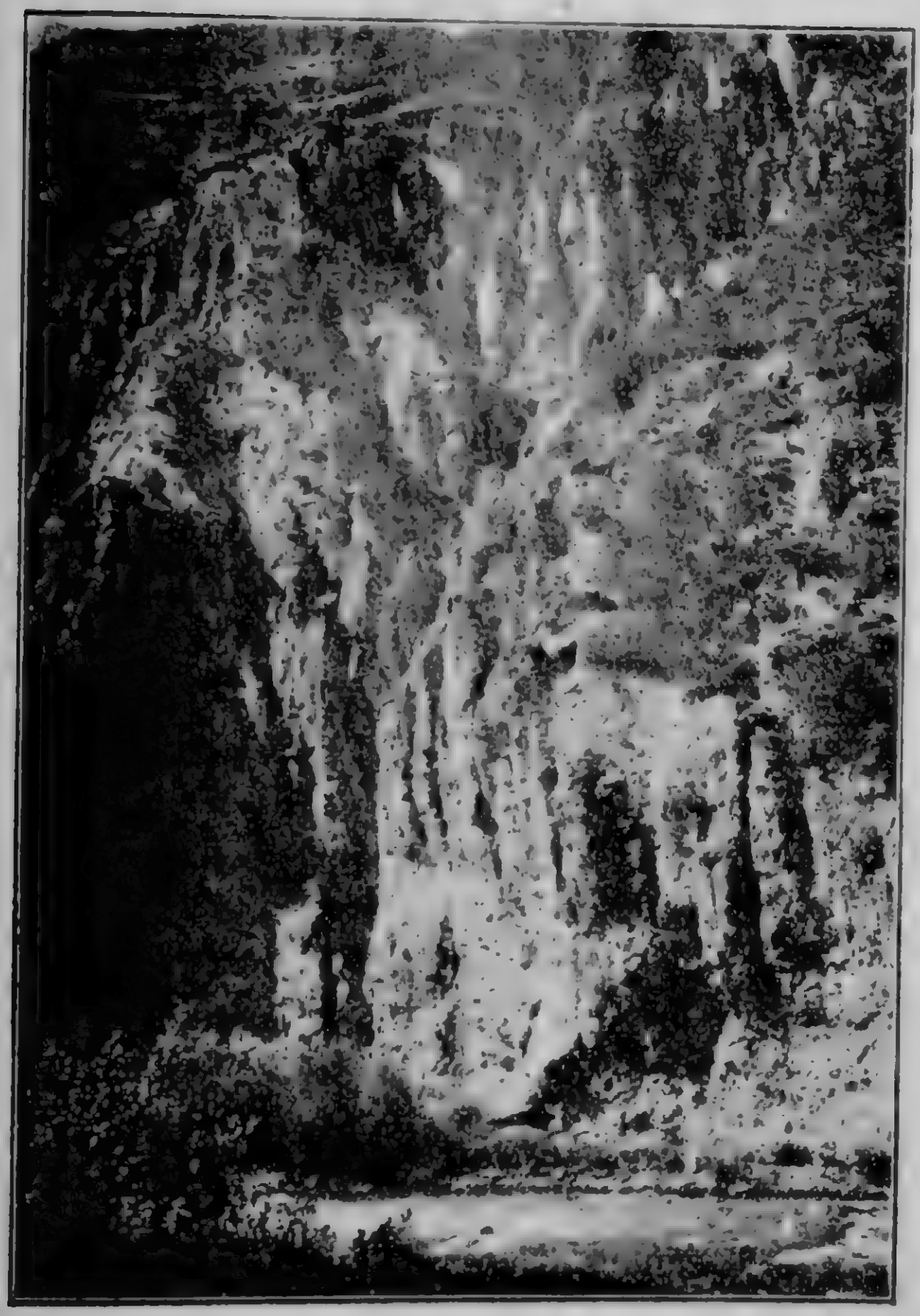
№ 4. На полу доски и масса черепов; потолок сводчатый; пять внутренних балок. Вся глубина заполнена скелетами детей, подростков и взрослых. Видны остатки одежды синего цвета. Деревянная чашка, видимо, для пищи.

№ 5. На полу масса наваленных трупов; там же помет крупного хищника.

№ 1 осмотрен через окно: детский гробик, масса костей, черепов.

Гробницы разной величины: длина пять—шесть метров, ширина—три—три с половиной метра, высота—два—два с четвертью метра. Размер часовни—полтора на два метра. Крыша разрушена. Размер окон в гробницах: ширина рамы—шестьдесят сантиметров, вышина—пятьдесят сантиметров, глубина—тридцать пять сантиметров, затем идет шиферная рама; в ней окно; глубина двадцать пять сантиметров, размер сорок пять на сорок пять сантиметров.

Кровли двусторонние, покатые, из тонких шиферных плит. По ребру крыши поставлен ряд шиферных



Размытые и выветренные глинистые породы у Анатори.

плит, образующих прямоугольник (тридцать два сантиметра ширины и тридцать два сантиметра высоты). Сверху шиферные пластинки прикрыты булыжниками.

* * *

Из Анатори мы выехали в шесть часов вечера. Очень скоро, как нам показалось, мы увидели Шатиль. После Хахабо, Ардоти, особенно же после Муцо, Шатиль особенного впечатления не производит. Он весь какой-то закопченный, грязный, занавоженный; стоит он недалеко от Шатилис-цхали на крутой скале.

В то время, как мы приближались к бревенчатому мосту, перекинутому через речку, навстречу нам из Шатиля стала спускаться большая группа хевсур—человек тридцать—сорок. В расшитых кафтанах, вооруженные, на фоне древних, потемневших от времени стен, при свете заходящего солнца эти хевсуры представляли собой необычайно живописную группу, напоминая сказочных витязей. Вся картина в целом была декоративна, как-то по-оперному красива.

Хевсуры окружили нас. Мы спрыгнули с лошадей: стали здороваться. Впереди всех стояли старшины, столетний старик Бецика, он же хевисбер, и второй, очень бодрый и свежий—восьмидесятилетний Тотия.

В сопровождении шатильцев мы стали подниматься в гору и скоро дошли до так называемого „мужского дома", „салакбо" (говорильня), куда мужчины сходятся для бесед, обсуждения дел, касающихся всего Шатиля, и пр. Женщинам вход в этот дом воспрещен. Мальчики с двенадцати лет считаются полноправными членами общества, могут входить в мужской дом, присутствовать при беседах взрослых и даже имеют право голоса. В зимние вечера сюда сходится все мужское население; старшины занимают свое место на почетной лавке; каждый зани-

мается своим делом: кто плетет веревку, кто чинит сбрую, кто приводит в порядок оружие. Здесь обсуждаются дела, поются песни, воспевающие подвиги героев, старики рассказывают о том прошлом, свидетелями которого они были, и о тех седой далекой старине, о которой они слышали в детстве от своих отцов. В дни тре-

Шатиль

вог, набегов соседей-кистин здесь обсуждаются военные дела; тогда здесь горят возбужденные лица, раздаются пламенные речи, решительно жестикулируют сильные, мускулистые руки.

Выйдя из „мужского дома," мы отправились осмотреть хати. В виду того, что хати в это время года

для всех, в том числе и для жрецов, было под табу, сопровождать нас никто не мог. Мы отправились втроем.

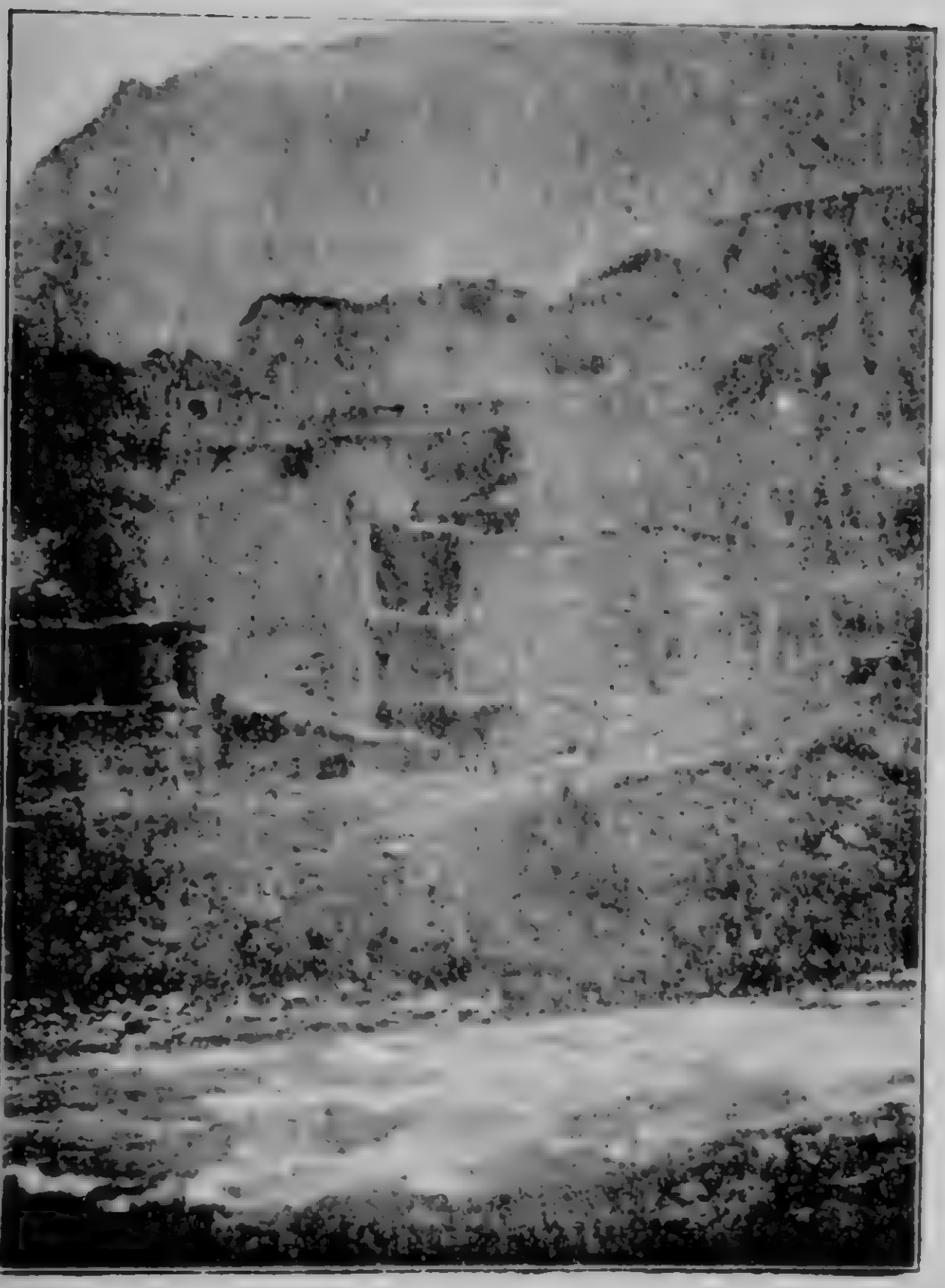
Метрах в пятидесяти пяти от хати проходит тропа, ближе которой не могут приближаться к святилищу женщины. Мы подошли к крытому навесу, под которым мужчины ожидают церемонии. Несколько выше — другой навес для хуцесов, дастуров и хевисберов. Стена храма, примыкающая к площадке навеса, украшена рогами туров и горных козлов. Самое хати — темное, грязное, лишенное каких бы то ни было священных предметов помещение: стоят две большие деревянные бочки для пива, на стене рога оленя, и больше ничего. Таких хати в Шатили три.

Осмотрев жилище, мы отправились к Бецика, столетнему старику-хевисберу. Нас сопровождал молодой деканоз. Впереди себя мы увидели низкое небольшое здание—самревло. Заинтересованные, мы прибавили шагу, направляясь к нему, а деканоз стал спускаться на нижнюю тропинку, чтобы обойти нечистое место.

Обогнув Шатиль, мы стали прыгать по камням через речку, впадающую из бокового ущелья в Шатилис-цхали.

Наконец, страшно измученные и голодные, мы добрались до Бецика. Мы так стремились к нему потому, что он обещал показать нам серебряные и золотые чаши хати, но битый час мы сидели у него в полной неопределенности одни, без хозяина, возмущаясь дикостью своего положения.

Наконец явился хозяин и предложил нам легкий ужин: на низеньком круглом столе нам подали хевсур-



Шатиль.

ский круглый хлеб, сыр и жидкое топленое масло. Голодные, как волки, мы с увлечением принялись за этот бесхитростный ужин. В то время как мы ели, около нас стояла с горящим факелом в руке молоденькая

красивая девушка, которую сменил потом стройный молодой хевсур. В виду того, что на огонь подошли еще несколько хевсур, хевисбер не счел возможным показать нам священные сосуды. Мы поблагодарили за угощение и со свечой возвратились к дому, который отвели нам для ночлега. Здесь мы узнали, что для нас наловлена форель и что мы должны ее съесть. Но форель надо было чистить, варить; мы сидели, форель плавала в котелке и, казалось, никто не собирался ею заниматься. Мы заявили, что хотим спать. Тогда, не торопясь, стали чистить рыбу. Вычистили. Котелок снова стоит с вычищенной рыбой. Проходят десять, пятнадцать, двадцать томительных минут. Мы снова заявляем, что смертельно устали и хотим спать. Тогда котелок взяли и куда-то его унесли. Наконец форель готова; мы съедаем ее и нас ведут на плоскую кровлю, где для нас расстелены ковры. Ночь свежая, лунная; при лунном освещении горы, обступающие со всех сторон Шатиль, необычайно красивы.

Мы засыпаем как убитые.

17 августа

От Ардоти до Муцо—восемь—девять километров.
От Муцо до Шатиля—двенадцать.

Сейчас прекрасное утро. Мы только-что ходили умываться на речку, потом осмотрели второе хати, по ту сторону речки: жалкая лачуга возле рощи с массой рогов; среди них попадаются рога огромных размеров. Вокруг сараеобразного помещения идут скамьи из шиферных плит. Посередине — остатки костра; в амбразурах

стен—священные сосуды-чаши; среди них — коробка от сардин.

Удивительно много здесь всяких жреческих чинов: хевисберы, хуцесы, дастуры, кадаги, мкитхави, деканозы, хелосани. Трудно разобраться среди этого многообразия. Когда мы пытались это сделать, в каждом селении мы получали различные ответы на наши вопросы; я думаю, что нас сознательно старались запутать. У меня хорошо запечатлелся в памяти образ умного и хитрого хевисбера в Хахабо, который давал ясные и отчетливые ответы на все вопросы, относящиеся к быту хевсур, но как только мы переходили к вопросам религии, он делал вид, что не понимает нас и давал осторожные, уклончивые ответы. Так поступали с нами и в Ардоти и здесь, в Шатили. Вот то, что удалось уловить: Хевисбери (старец ущелья), по всей вероятности, являлся раньше главой ущелья; в дальнейшем, в некоторых районах он присвоил себе и религиозные функции. Главнейшая их обязанность состоит в наблюдении за местным святилищем и совершении жертвоприношений. Хуцесы не могут закалывать жертвенных животных, не могут хоронить покойников. Впрочем, некоторые хуцесы несут обязанности хевисбера, и в таком случае чрезвычайно трудно уловить между ними разницу.

Деканозы или хелосани являются помощниками хевисберов, нечто в роде диаконов.

Кадаги—прорицатели, обладающие способностью впадать, подобно алтайским шаманам, в религиозный экстаз, во время которого они прорицают. Кадагами бывают и мужчины и женщины. Кроме прорицателей

(кадаги), есть девушки и женщины (мезултане), которые состоят в связи с душами умерших и могут испросить их доброго влияния на судьбы своей семьи и указаний от них, когда предстоит какое-нибудь несчастье и как его избегнуть. Мезултане, кроме того, передают всякие желания умерших, какие кушанья должны быть приготовлены для них и т. д.

Мкитхави—вопросители.

Вся общественная жизнь хевсур имеет на себе религиозный отпечаток. Жрецы до сих пор пользуются большим авторитетом и держат в подчинении невежественных горцев.

Кроме особо почитаемых святынь хевсур в Гудани, Хахмати, Каратис-Джвари, каждое селение имеет свою особую святыню, жертвенник, свое хати. Вне селения, часто около священной рощицы, стоит скромная каменная хижина, украшенная рогами туров, козлов; это и есть хати.

Хати закрыто тяжелыми деревянными воротами. В нем хранится „дроша“, высокочтимое родовое знамя, которое выносится во время религиозных празднеств. Вблизи хати обычно находится крытый навес, под которым помещаются хевисберы, дастуры, хуцесы. Несколько ниже другой навес, под которым мужчины ожидают церемонии.

У хати совершаются религиозные церемонии, приносят жертвы, празднуются сельские праздники, во время которых в больших количествах уничтожается пиво, приготовленное вблизи хати и считающееся здесь священным напитком. Каждое хати имеет свое собственное земельное владение, которое обрабатывается

служками хати. Шатильские хати владеют сорока акрами пахотной земли.

Если принять во внимание незначительность земельных угодий, которыми располагают хевсурские селения, необходимо признать, что такое количество пахотной земли представляет значительную ценность. Хлеб, собранный с этой земли, составляет общее достояние всего селения и является связью, которая на религиозной основе соединяет общину.

Помимо земельных владений, некоторые капища обладают серебряными и золотыми сосудами различных форм, которые тщательно сохраняются хевисберами в надежных местах.

Почти каждое хати имеет огромные медные котлы для варки пива.

В представлениях хевсур большое место занимает загробный мир; в соответствии с этим похороны и поминки сопровождаются целым рядом мистических и символических обрядов.

Заметив, что больной умирает, его немедленно выносят на двор, чтобы умирающий не осквернил дома. Затем покойника бреют, обмывают, надевают на него новое платье. Несколько дней он остается на дворе; в это время односельчане приходят, чтобы выказать свое соболезнование членам семьи, к которой принадлежал умерший. Вокруг покойника сидят женщины и оплакивают его; среди них обычно бывают специально приглашенные плакальщицы.

В день похорон с покойника снимают оружие, относят на кладбище, опускают в могилу, выложенную плитняком, и засыпают землей.

После похорон устраиваются скачки, во время которых состязающиеся всадники бешено несутся по узким карнизообразным тропинкам, по ужасной крутизне, рискуя свалиться в пропасть и сломить себе шею.

Призы за скачку состоят из коров и баранов.

В некоторых случаях скачки заменяют стрельбой в цель. Лошадь умершего отдается самому близкому другу покойника.

После этого совершаются поминки, во время которых едят баранину и пьют пиво и водку.

Женщины не принимают участия в поминальном пире; им посылают угощенье и пиво на дом.

Хевсуры полагают, что умерший получает пищу в загробном мире, соответственную той, которая готовится к поминкам. В связи с этим наблюдается интересный обычай: одинокие люди, которые боятся, что после их смерти поминальный пир будет не достаточно обильным, устраивают свои поминки при жизни. На эти поминки приглашаются односельчане, которые едят и пьют, в то время как мнимый покойник, в честь которого устроены поминки, лежит где-нибудь поблизости в помещении с закрытыми глазами и, прислушиваясь к шуму, которым сопровождается поминальный пир, испытывает удовлетворение от сознания, что теперь в том мире он не будет испытывать никаких лишений.

* * *

В Шатиле живут только две фамилии: Чинчараули и Анаторели. Мы заинтересовались этой последней фамилией, начинаем расспрашивать, не ведет ли этот род свое начало от обитателей селения Анатори, развалины

которого мы видели недалеко от мрачных гробниц Анатори, и нам рассказали следующее интересное предание относительно рода Анаторели: в том селении, развалины которого мы видели, некогда жило многочисленное население, но какая-то странная эпидемия совершенно опустошила это селение. Жители, не умея бороться со страшной болезнью, выстроили те мрачные гробницы, которые мы видели, в целях изоляции больных; их приносили туда, клали на скамьи, ставили пищу, питье; когда больные умирали, их сбрасывали на пол, а на их место клали новых больных. Таким образом вымерли все жители селения Анатори: уцелел только один мальчик, которого подобрали и увезли с собой кистины. Когда мальчик вырос, его как-то увидели у кистин приехавшие туда хевсуры из Шатиля. Обратив внимание на то, что он резко отличается своим типом от кистин, хевсуры стали расспрашивать его о происхождении.

Молодой человек рассказал, что он из тех мест, где солнце дважды всходит и заходит. Шатильцы догадались, что он из Анатори, так как в силу конфигурации гор там действительно получается впечатление двойного восхода и захода солнца. Ему рассказали, кто он и предложили вернуться в Хевсуретию. Молодой человек переселился в Шатиль и положил основание ныне существующему роду Анаторели.

Необходимо отметить, что в хевсурских селах проживают обычно одна—две, редко три—четыре фамилии.

По записи В. А. Гурко-Кряжина в Хахабо проживает четыре фамилии: Миндикаури, Осиаури, Мамиаури, Хахиаури; в Ардоти — две фамилии: Мургули и Зхведаури.

В Шатиле — Чинчараули и Анаторели; в следующих селах всего по одной фамилии: в Гули—Кистаури, в Рошки — Циклаури, в Хахмати — Алудаури, в Бисо — Кетилаури.

Из указанного факта В. А. Гурко-Кряжин делает следующий вывод: хевсурские села образовались не как территориальные единицы, т. е. из разнородных, не связанных между собой узами родства элементов, а как единицы родовые.

Каждое село состоит из небольшого числа кланов (не свыше четырех), сохранивших черты родовой обособленности, внутренней замкнутости. Этим обстоятельством объясняется запрещение заключения браков, как мы это видели выше, внутри данной фамилии.

Таким образом общественный строй хевсур построен на родовом начале.

Следствием его является весьма распространенный до наших дней обычай кровной мести. Сущность этого обычая состоит в том, что, если совершено убийство, родственники убитого обязаны отомстить за пролитую кровь. Поэтому подпавший под кровомщение обычно покидает вместе со всей семьей родное село и ищет пристанища где-нибудь в соседнем селе или даже за пределами своей страны; родственники убитого имеют право сжечь покинутое жилище кровника.

Кровничество считается по отцовской линии; по материнской линии в кровомщении участвует лишь дядя по матери. Обязанность отомстить ложится на членов семьи в таком порядке: братья, отец, двоюродные братья; если этих родственников нет, мстят однофамильцы, близко стоящие к пострадавшей семье.

В случае, если убийца желает вернуться в родное село и примириться с семьей убитого, он ежемесячно в течение трех лет посылает родственникам убитого барана. По истечении трех лет враждующие стороны могут помириться, договорившись о цене за кровь. Посредником является суд стариков (рджули), который выясняет все детали и обстоятельства, при которых произошло убийство, и устанавливает размер и способ уплаты за кровь. Цена за кровь устанавливается обычно определенным числом коров или денежным эквивалентом.

* * *

Мы узнаем, что в Шатили была православная церковь; от нее остался только камень с надписью. Я хочу взглянуть на этот камень. Шакро берется проводить меня к нему. Камень вделан в стену дома священника, который живет здесь как частное лицо. С левой стороны двери я вижу камень размерами шестьдесят пять на тридцать пять сантиметров. Надпись на русском и грузинском языках гласит следующее:

По высочайшему повелению в награду шатильцам за поражение Ахверды Махмада и скопищ его в 1843 г. выстроена по приказанию князя Наместника Кавказского в 1849 г.

То же по-грузински

Эта надпись запечатлела один из эпизодов героической борьбы хевсур против соседей, горцев-магометан, когда небольшая горсть шатильцев, отказавшись

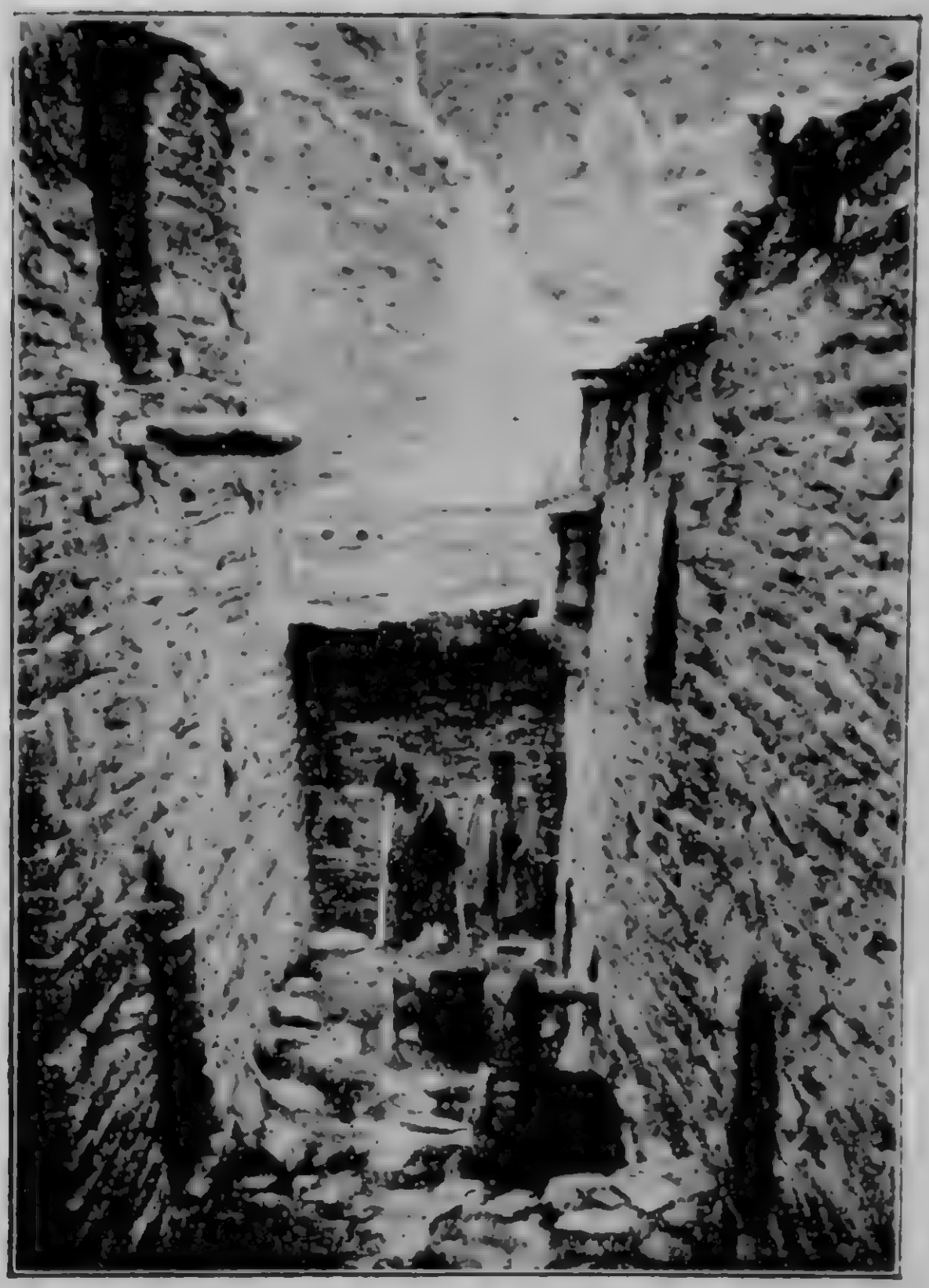
подчиниться всесильному тогда имаму Чечни и Дагестана Шамилю, мужественно защищалась несколько дней от громадных скопищ чеченцев и кистин, предводительствуемых одним из лучших шамилевских наибов, Ахверды-Махмада, который пал здесь от хевсурской пули.

Самый Шатиль, являющийся сердцем Хевсуретии, расположен на скале (тысяча четыреста четыре метра). Он весь представляет собой одно органически целое; дома в два—три этажа, выстроенные из шиферных плит, теснятся, лепятся друг к другу и к отвесной скале хребта Бисна; из дома в дом можно попасть или по лестницам или по переходам, состоящим из жердей, проложенных на высоте двух—трех этажей. Каждый дом имеет плоскую крышу-террасу. Между ними стоят широкие четырехугольные крепостные башни.

Всюду видишь крутые тропинки, каменные головоломные лестницы, деревянные ступени, вырубленные в целом бревне. Внизу, у подножья Шатиля, неумолчно шумит Шатилис-цхали, прямо напротив, по ту сторону речки, высятся горы, покрытые внизу кустарником, а наверху—густым лесом.

Хевсуры чрезвычайно грязны, особенно женщины. На лицах — грязевые отложения. Навоз, даже свежий, они берут просто руками; руки обмывают коровьей мочой. Навоз не вывозится из селения, а сбрасывается у самого дома. В течение ряда лет у стен иных домов образуется затвердевшая от времени кора, сверху которой наслаиваются все новые массы навоза. Когда подъезжаешь к Шатилю со стороны Муцо, то просто изумляешься огромному количеству навоза, толстым слоем покрывающему стены домов, выходящих к боковому

Шапиль.



Улица в Шатили.

ущелью. На мой вопрос, почему навоз не вывозится на поля для удобрения, хевсуры пожимали плечами, очевидно, не улавливая никакого смысла в моем вопросе. Как ни странно, хевсуры, располагающие небольшой удобной площадью для посевов, не удобряют земли,

как это делают сваны — прекрасные сельские хозяева и работники.

Хевсуры - мужчины выше среднего роста, коренастые, широкоплечие, видимо, обладают большой физической силой.

Одежду их составляют кафтаны, отдаленно напоминающие черкеску, сшитые из тяжелой шерстяной ткани; на груди и по бортам кафтаны красиво расшиты цветным шитьем и украшены мелкими цветными пуговками. Что касается вооружения, то еще сравнительно недавно хевсуры носили рыцарское вооружение средних веков: кольчуга, шлем, латы, наручники или налокотники, щит, прямой меч (дашна) составляли обычную принадлежность хевсура-воина. Густав Радде, посетивший Хевсуретию в 1876 году, писал: „На всем Кавказе ни одно из христианских или магометанских племен не сохранило древнего железного снаряжения в такой полноте, в какой мы находим его у хевсуров. Хевсур носит полное рыцарское вооружение и притом не временно только, как бы в виде парадного украшения, а в тех случаях, когда он прямо или косвенно подлежит кровной мести и ему угрожает опасность".

Доктор Н. А. Худадов в своей монографии „Хевсуретия" рассказывает интересный эпизод, относящийся к девяностым годам, когда в селение Гули на разбор дела о похищении девушки-хевсурки явился жених, молодой, красивый хевсур в полном рыцарском вооружении: в кольчуге, шлеме, в латах, с мечом и щитом.

В настоящее время, в силу распространения в Хевсуретии нарезного оружия, средневековое вооружение потеряло свое значение, вышло из повседневного упо-

требления и хранится на стенах домов как дедовская реликвия. Современный хевсур носит дома обычно кинжал у пояса. Отправляясь из родного села, он вешает через плечо винтовку. Несколько раз нам пришлось видеть всадников с круглым щитом за спиной.

Группа хевсур со щитами.

Большой интерес представляет сохранившийся до сих пор хевсурский меч-дашна. Этот меч бывает прямой, как кинжал, но об одном лезвии. Клинок его достигает пятидесяти сантиметров, а рукоятка—около тринадцати сантиметров; ширина клинка — три с половиной сантиметра. Встречаются мечи и несколько иного вида — более длинные и слегка изогнутые, саблевидные, напо-

Группа шатильцев. Первобытные украшения на костюме ребенка.

минающие турецкий палаш. Такой хевсурский меч, скорее сабля, имеет рукоять с железной поперечиной, с тупо заостренными концами.

Во время драк хевсуры пускают в ход боевое кольцо, „сацерули", представляющее собой плоское круглое

кольцо, имеющее четыре—восемь сантиметров в диаметре; три четверти его наружного края имеют острые зубцы. Кольцо надевается на большой палец и рука сжимается в кулак. Удар наносится таким образом, что разрывает кожу лба и носа или проходит по щеке.

Нам много раз пришлось видеть стариков с шрамами на лице (главным образом на носу) от удара, нанесенного таким кольцом.

Дикий, воинственный характер хевсур объясняется их жизнью в горах, где они с древних времен должны были отражать нападения соседей чеченцев, главным образом кистов. Позже они принуждены были сдерживать натиск и других магометанских горных народов, которые, теснимые русскими войсками в период завоевания Кавказа, бросались на хевсур. Помимо того, столкновения между отдельными селениями, кровная месть, обряды и обычаи, построенные на основе родового начала — все это также способствовало образованию сурового, воинственного характера.

Сообразно с этим хевсурские села, выстроенные на высоких террасах, на холмах, господствующих над окрестностью, или на краю горного хребта, напоминают каменные городки-крепости, рассчитанные на нападения.

Монументальные хевсурские дома, сложенные из шиферных плит сухой кладкой, имеют несколько этажей и плоскую крышу. Окна заменяют небольшие отверстия, которые одновременно служат бойницами. Почти каждое селение имеет высокую сторожевую башню, достигающую двадцати—двадцати четырех метров. В некоторых случаях башня стоит вблизи села, защищая под-

ступы. Башни четырехугольные, суженные кверху, сложены так же, как и дома — из массивных шиферных плит, обычного здесь строительного материала; верх башни иногда покрыт куполообразной крышей; очень редко встречаются круглые башни.

Девушка-хевсурка (выселок Муцо).

Хевсурские женщины — высокого роста, стройные, подвижные. Среди них много блондинок, еще чаще — рыжих. Некоторые из них красивы, с правильными, но несколько резкими чертами лица. Жизнь в горах физическая работа, необходимость много двигаться, значительная свобода и уважение, которыми она пользуется, сказались на физическом облике хевсурки: держится она с достоинством, в ее взгляде, в каждом движении чувствуется уверенность в себе. Одеваются хевсурки так же, как и мужчины—в те же домотканные тяжелые шерстяные ткани, расшитые на груди и спине. Волосы

обычно стриженые; на головах род невысокого кокошника, расшитого цветными нитками и бисером. Замужние женщины, кроме того, носят головной платок, „мандили", с которым связан чрезвычайно интересный обычай. И в Хахабо, и в Ардоти, и в Шатили нам подтвердили, что в случае, если в толпу дерущихся вбежит женщина и сдернет с головы мандили, мужчины прекращают кровопролитие. Этот интересный обычай, свидетельствующий о необычайном уважении, которым пользуется женщина, является пережитком древнего господства женщины в социальной организации так называемого матриархата. Девушка свободна в выборе мужа и может выйти замуж даже против воли родных. Нам сообщили, что за бедняков выдают дочерей очень неохотно. Защита чести женщины лежит на всем обществе, которое может вступиться за обижаемую женщину. Похищение женщин с применением насилия прак-

Костюм хевсурки-женщины сзади.

тиковалось в сравнительно отдаленные времена. Постепенно похищение утрачивало свой первоначальный характер и в последующее время производилось обычно с согласия похищаемой. Однако допускалось лишь похищение девушек и притом не обрученных. За похищение обрученной девушки полагался штраф. Похищение же замужней женщины составляло большое преступление и каралось обычно смертью.

Похитивший женщину или девушку своего общества считается совершившим преступление против общества и должен быть изгнан из родной среды; даже скот его не может пастись вместе с сельским скотом. Если такой провинившийся хочет примириться с обществом, он должен пожертвовать котел и серебряную чашу, зарезать быка и сварить пиво.

Даже в том случае, если похищенная была не обрученной девушкой, похитителю, прежде чем вступить с ней в брак, необходимо было примириться с ее родными; в противном случае похищение теряло силу, и вступать в брак с похищенной не позволялось.

В позднейшее время наряду с похищением появляются посредники: сваты и свахи, которые отправляются в дом невесты, имея при себе обыкновенно абаз (двадцатикопеечная монета) или же какую нибудь вещь той же стоимости в знак обручения. Кроме того, в дом невесты приносятся водка и ситец. После обручения между домами обрученных устанавливаются и поддерживаются родственные отношения. Обрученную, как мы видели, нельзя похитить или выдать замуж за другого, так как в таком случае дело может дойти до убийства обидчика или оштрафования в размере шестнадцати—тридцати

коров. В виду того, что до самого последнего времени у хевсур наблюдаются языческие обряды на ряду с христианскими, вступление в брак происходит либо по языческому обряду, либо по христианскому.

Браку, как указывалось выше, предшествует сватовство, которое в иных случаях начинается в детские годы жениха и невесты. Сват, пришедший в дом невесты, сообщает о предложении пославшего. Если отец девочки согласен, сват тут же передает обручальный знак, „нишани". Спустя некоторое время отец жениха с водкой и ситцем отправляется, сопровождаемый одним из двоюродных братьев, к отцу невесты делать формальное предложение. Затем каждый год он приносит в дом невесты водку и „крендель счастья". Когда жених вырастает, отец его вновь отправляется в дом невесты сговориться относительно свадьбы.

Заручившись согласием, он, вернувшись домой, направляет в дом невесты двух сельчан с двумя баранами, из которых одного режут у почитаемой святыни, а другого—в доме невесты. Мать невесты печет два огромных пирога, после чего в дом девушки собираются все односельчане; невесту наряжают и провожают до конца деревни, где режут один из пирогов. Девушка прощается с родными и односельчанами и следует дальше, в дом жениха, в сопровождении только нескольких родственников, которые съедают второй пирог. Прибывшую в дом жениха невесту помещают с другими женщинами в нижний этаж; мужчины находятся в верхнем а жених скрывается в другом доме. Свадьба начинается закалыванием барана в честь святого. Затем происходит попойка, во время которой шафера невесты тре-

буют привода жениха. При появлении последнего его сажают на почетное место и дают чарку водки. В общем веселье жених участия не принимает. Пиршество продолжается три дня, после чего шафера невесты уезжают

Группа женщин. Шатиль.

домой, а жених вместе с другими родственниками провожает невесту в дом ее отца. Здесь тоже веселятся три дня, после чего жених возвращается домой, а невеста в течение года остается жить у родных. В течение этого времени жених не только не может навестить свою невесту, но даже побывать в селении, где она живет. Через год невеста едет к жениху, где жрец капища (деканоз) прикалывает иголкой одежду жениха

к платью невесты, после чего новобрачных укладывают на приготовленную постель. Общее ложе допускается только в течение первых трех дней, затем молодые видятся только тайком.

Однако в последнее время наблюдаются и другие способы сватовства. Нам рассказывали, что, если хевсур дотронется руками до плеч девушки, она с этого момента считается его невестой; в случае, если жених, посватавшийся таким образом, не нравится невесте, она может откупиться. В некоторых случаях хевсур, минуя посредников-сватов, едет сам свататься; в таком случае, если девушка вручает ему мандили, считается, что предложение принято. Нам пришлось встретить молодого хевсура, возвращавшегося после такого удачного сватовства с головным платком (мандили) невесты на плечах. Он весело шел по узкой тропе глухого Аргунского ущелья, возвращаясь в родное селение.

Муж и жена в присутствии посторонних не смотрят друг на друга и не говорят между собой. После рождения первого ребенка жизнь супругов вступает в обычную колею. В течение первых трех—четырех лет супружеской жизни считается позорным иметь детей; в редкой семье можно увидеть более трех детей. Малодетность хевсурской семьи объясняется тем обстоятельством, что хевсуры боятся перенаселения. Недостаточность земли, удобной для распашки, делает невозможным развитие земледелия и мешает образованию больших поселений. Страна может кормить только ограниченное число людей; поэтому излишек населения должен выселяться куда-нибудь в соседние страны.

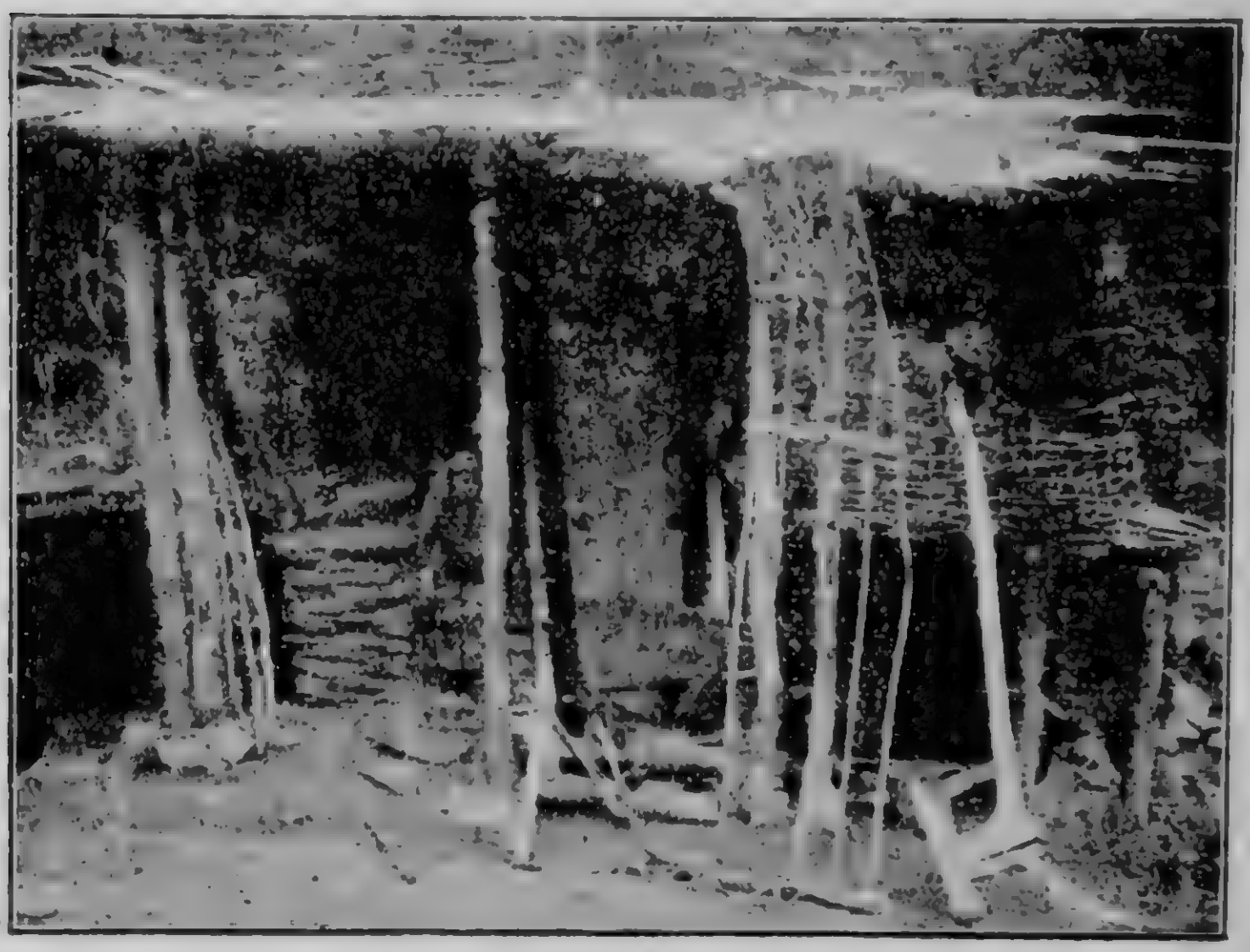
Родители любят детей, но ласкают их обычно украдкой. Мать в присутствии посторонних стыдится быть нежной со своими детьми. Воспитание в хевсурской семье сводится к обучению ребенка всему тому, что со

Внутренность дома. Люлька.

временем понадобится в жизни. В соответствии с этим девочку приучают принимать участие во всех домашних занятиях: ее учат прясть, ткать, приготовлять кизяк, который употребляется как топливо.

Хевсурские девушки очень целомудренны. Забеременеть до брака считается таким большим позором, что редкая девушка способна пережить его. Правда, последнее время к этому относятся не так уж строго.

При выходе замуж молодая приносит с собой свое платье и „сатавно“, т. е. приданое, которое обычно состоит из скота. С детства девушка получает от родных овцу, теленка или корову, и этот скот с приплодом составляет ее приданое. Право собственности



Сельскохозяйственный инвентарь.

между супругами строго разграничено. Муж не в праве распорядиться собственностью жены, так же как и жена — собственностью мужа. Муж не может в силу обычая подарить что-либо жене из своего имущества или завещать что-либо на случай смерти. Супруги не могут наследовать друг другу. После смерти матери сыновья получают приданое матери в равных долях;

дочерям остаются платья покойницы. Как муж, так и жена в случае смерти кого-либо из них хоронят друг друга на свой счет, если после умершего не осталось собственности или ее нехватает на похороны.

Первобытный ткацкий станок.

Хевсурка, как мы говорили выше, находится под покровительством общества; вследствие этого муж является ответственным перед этим обществом в случае, если он дурно обращается с женой. Однако необходимо заметить, что, несмотря на сказанное, положение хевсурской женщины далеко не завидное: хевсур, дорожа своей свободой, большую часть труда взваливает на плечи женщины. Хевсурка, кроме того, что выполняет

все хозяйственные работы по дому, одевая и обувая свою семью, наравне с мужчиной жнет, косит и молотит хлеб. В первый же день свадьбы молодая должна вынести своими руками навоз, принести на себе дрова, сено и т. д. Что касается веселья, удовольствий, то и

Хевсурка за тканьем. Шатиль

здесь она обойдена: во время праздников хевсурка мо́лится издали, во время больших праздников ей воспрещается принимать участие в общей беседе — она может только выпить пиво и отправиться домой; участия в еде, в пире она не принимает. По понятиям хевсуров, женщине неприлично плясать, прыгать; точно так же ей стыдно ехать верхом; поэтому обыкновенно

хевсур едет верхом на лошади, а женщина, нагруженная ношей, следует за ним, ухватившись за хвост лошади.

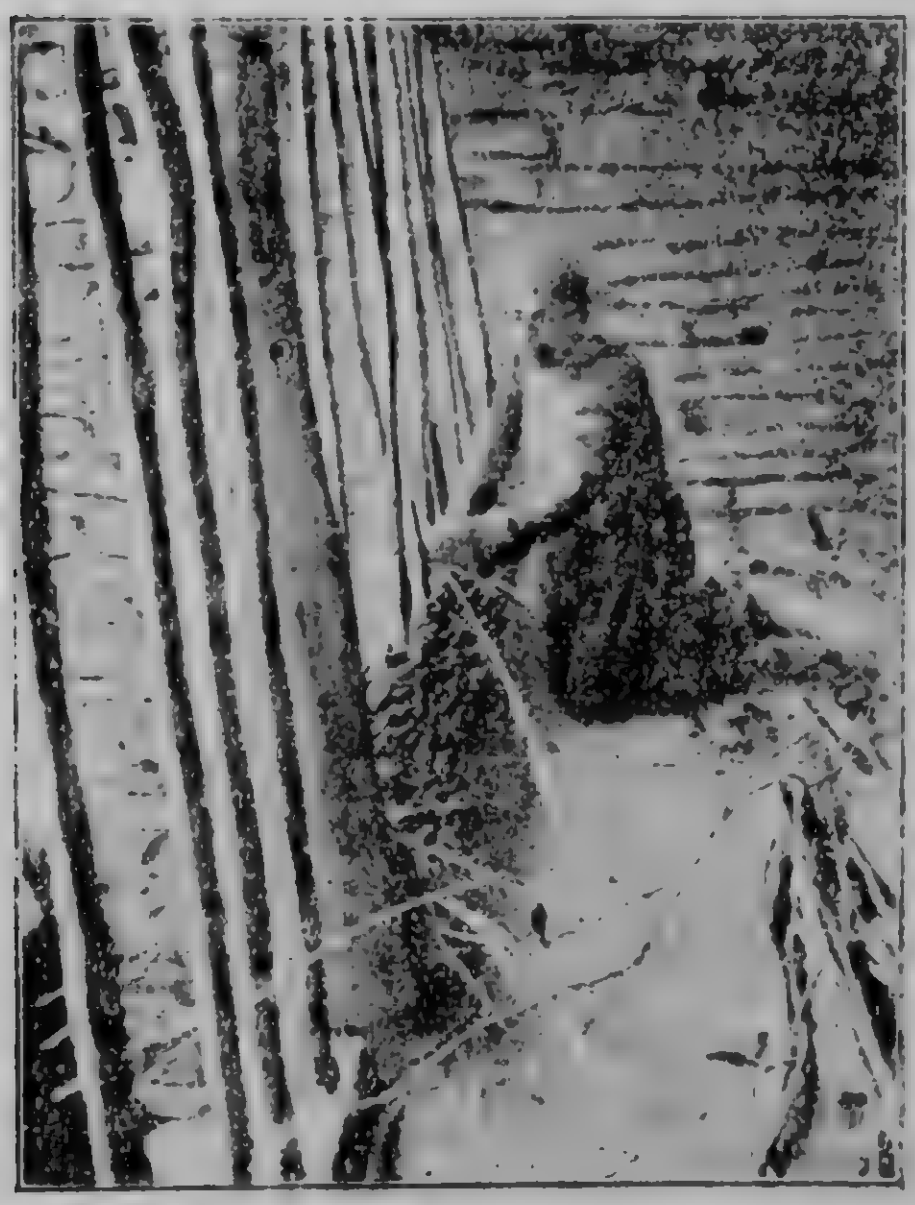
Хевсурка не избалована вниманием мужа; как было уже сказано, у хевсур не принято проявлять в отношении друг друга знаков внимания и нежности; в случае, если хевсурка окажется бездетной, муж может жениться

Хевсурка толчет соль в деревянной ступе.

на второй жене. Подобные случаи, однако, крайне редки. За ввод второй жены в дом хевсур должен заплатить родным первой жены штраф в размере пяти коров.

Если жена плохая работница, бездетная, болезненная, хевсур может прогнать ее; в случае если жена прогнана

без достаточной причины, муж должен заплатить ей „за бракование“ и „за труды“. Дети остаются при муже. Прогнанная жена может взять с согласия мужа только грудного ребенка. Для прокормления ребенка отец дает одну корову или четыре овцы. Когда ребенок подрастает, он возвращается к отцу и живет с ним.



Плетение изгороди. Шатиль.

Хевсурка также может оставить мужа. Но в виду того, что это составляет величайший позор для мужчины, хевсурка, ушедшая от мужа, обязана дать ему слово не выходить за другого замуж. Нарушительнице обета грозит смерть. Вот в общих чертах положение хевсурской женщины. Глубокой грустью и затаенной обидой звучит определение своего положения „затертой между чертями“ в устах самой хевсурки.

* * *

Главным источником благосостояния хевсур является скотоводство. Летом альпийские пастбища покрываются

прекрасной травой, но покосы не обильны, и вследствие этого хевсуры лишены возможности держать большое количество скота. Недостаточность земли, удобной для распашки, делает невозможным развитие земледелия. Крутая, каменистая местность, лишенная удобрения, не представляет возможности засевать достаточное количество ржи или ячменя и дает небольшой урожай.

Питаются хевсуры главным образом молочными продуктами: сыром, маслом, молоком; изредка режут скотину и едят мясо. Хлеб, выпеченный из крупной смолотой муки, не очищенной от отрубей, в виде жестких лепешек, невкусен и неудобоварим.

* * *

Чрезвычайно интересны хевсурские имена. Я собрал их, кажется, все с помощью Шакро.

Женские:

Агунда,
Акуа,
Ашека,
Ашакала,
Буба,
Бабула,
Бердела,
Бердеда,
Бебери,
Бебера,
Бубула,
Бубуча,
Бубика,
Бера.
Буцуца,
Вардуа (роза),
Гулта-мзе (солнце сердца),
Гандза,
Гугуча,
Дзило,
Дзилато,
Дедуна (маменька),
Дедиа,
Дедика,
Дзидзили,
Дзудзуна (сисечка),
Дедакала,
Дзануа,
Еши,
Зекуа,
Идука,
Иа,
Калика,
Калука,
Какала,
Кмара,
Какури,
Кака,
Камари,
Каруа,
Калунди,
Кутия,
Качали,
Кула,
Лела,
Лулуа,
Мзиа (солнышко),
Мушдана,
Мзекала (солнце-девушка),
Муштара,
Мара,
Мзекуа,
Марика,
Минани (стекло),
Мзе-винари (кто солнце),
Мамидура,
Мигре,
Митан,
Мамиди,
Нанука,
Натела (светлая),
Нана,
Натула,
Натуа,
Нануа,
Нунуа,
Нанна,
Сперидка,
Сандо,
Сандзимара,
Сули,
Тиа,
Тамари,

Тамтита,
Тетруа (беленькая),
Талала,
Теора,
Трихи,
Тиула,
Хошиа,
Хатута,
Хора,
Хошека,
Хорнели.
Хорджа,
Хошиа,
Укай,
Чико,
Чалунди,
Шукиа,
Швела.

Мужские:

Адуа,
Абика,
Адага,
Апарека,
Абулети,
Ахала,
Акиа,
Апшина,
Алуди,
Бабуа,
Бачкиа,
Бицила,
Бая,
Бабути,
Баха,
Баисери,
Бецика,
Бадзиа,
Биа,
Боигари,
Бабгла,
Бидзура,
Бокатера,
Бабо,
Бежита,
Буледжани,
Буча,
Важиа,
Важуа,
Вепхвиа (барс),
Гамихарди,
Гоготури,
Герана,
Гамахела,
Гадуа,
Гигури,
Гигуч,
Дя,
Джокола,
Датвиа (медведь),
Дзикиа,
Дзаглика (собачка),
Джаврия, (сердитый)
Джурха,
Джамбрила,
Дамцвара,
Джамна,
Джариа,
Имеда,
Кудиа,
Курдгела,
Кага,
Костикаур?,
Кукуни,
Квирика,
Кико,
Леко,
Лагаза,
Миндиа,
Моклеа,
Мгела (волк),
Мамкра,
Мгелика (волчонок),
Мамука,
Мамула,
Мецкина.
Маджига,
Надира,
Нанаизе,
Оторга,
Осиа (осетин),
Обола,
Пицхелаура,
Сумбата,
Султана,
Сагира,
Сакури,
Тотиа,
Татуа,
Татари,
Торела,
Торели,
Туча,
Тулек,
Унахава,
Ушиша,
Утурга,
Урджука,
Уцируа,
Хизана,
Хинчла,
Хирчла,
Хутия,
Хотисо,
Хечо,
Хевсури,
Хахони,
Холига,
Цика,
Чуа,
Чачаури,
Чалхи,
Шуа,
Шишиа.

20 августа.

Из Шатиля мы выехали в десять часов утра.

Нас провожали Мамула Чангараули, Элисбар Вольский (охевсурившийся поляк) и другие хевсуры.

Группа хевсур.

Тропинка пошла сначала по левому берегу Шатилис-цхали, затем перешла несколько раз речку и вступила в тесное, необычайно живописное ущелье. Беше-

ный Шатилис-цхали мчит свои светлые воды по каменистому ложу, усеянному огромными глыбами. Скоро мы въехали в лес, где много сосен и елей; попадается рябина, много малины.

Как и раньше, поражает безлюдье. Только раз встретилась небольшая группа хевсур верхами с неизбежным козленком впереди. Из расспросов выяснилось, что хевсур-кровник, бежавший от преследования, возвращается домой для примирения с врагами.

Скоро начался небольшой перевал, который образуют отроги Чаухи. Сначала шел довольно пологий подъем лесом, затем мы стали подниматься круто в гору; тропинка идет по краю обрыва; глубоко внизу бьется и клокочет поток. Наконец мы добрались до вершины.

Тропинка пошла по зеленому лугу. Пейзаж резко изменился: казался весь как-то мягче, спокойнее.

Округлые вершины гор покрыты густым зеленым кустарником; бешено мчавшийся Шатилис-цхали остался там, внизу; теперь это—сравнительно спокойная, узкая речонка.

Мы сделали часовой привал у прозрачного ручья, стекающего с гор и впадающего в Шатилис-цхали. Затем тронулись дальше по открытой неширокой долине.

Вправо, в узком ущельи, на вершине небольшой горы высятся две башни, несколько ближе к нам—третья. По другую сторону этого ущелья, влево от нас—тоже развалины башни, а внизу два дома Чичхети.

Скоро после этого ущелья начинается подъем.

Вправо показались развалины православного храма, затем—четырехугольное хати и несколько дальше—

высокая красивая башня, суживающаяся кверху. Самый верх заканчивается колпаком. Сей час же влево—хевсурская деревня Лебайс-кари. Характерным для этой деревни является чисто грузинский тип построек.

Отсюда начинается бесконечный и утомительный подъем на Велкетильский перевал, совершенно измучивший и нас и наших лошадей.

Наконец мы достигли перевала (высота две тысячи пятьсот метров над уровнем моря), откуда великолепный вид на обе стороны, особенно в сторону Рожко-Бацалигойского теми. Глубоко внизу лежит ущелье, по дну которого струится узкий ручеек, постепенно расширяющийся по мере впадения в него других ручейков. Этот ручеек—начало Хевсурской Арагвы. Далеко вокруг видны цепи гор, вершины которых окутаны облаками.

Мы быстро спускаемся вниз на дно ущелья. Спуск продолжается без конца. Наконец мы увидели вдали Хахмати со старинными башнями. Не доезжая селения, у мельницы пили нарзан. Хахмати не имеет того сказочно-красивого вида, которым поражают Хахабо, Ардоти, Муцо, в меньшей степени Шатиль. Здесь — типичные грузинские сакли, грязные, не живописные.

Проехав Хахмати, мы стали спускаться по каменистому руслу Хахматис-цхали (начало Хевсурской Арагвы).

Сейчас же за Хахмати идет большое селение Бисо. Мы продолжаем ехать по каменистому руслу речки. Лошади выбиваются из сил. Начинает смеркаться.

Мы спрашиваем у Шакро, скоро ли будет селение Гули, где мы намеревались заночевать. Шакро, как всегда, очень уверенно заявляет, что совсем скоро.

Тропинка пошла в гору по правому берегу речки. Так же, как и много раз раньше, тропинка узким карнизом вьется над пропастью; один неосторожный шаг— и конец. И мы и лошади снова насторожены всем существом, снова идем, чувствуя каждое малейшее движение друг друга, опасливо поглядывая в бездну.

Заметив новую деревню Гудани, мы с Владимиром Александровичем предложили Шакро заночевать в ней, так как стало совсем темно, но Шакро снова заявил, что Гули совсем близко.

Мы спустились вниз по головоломной тропинке, лепящейся вдоль глубокого ущелья, перешли через зыбкий мост и только-что собрались ехать дальше, как лопнул ремень от стремени у Владимира Александровича. Пока возились с ним, совсем стемнело.

Тропинка пошла густым лесом в гору. Мы решительно ничего не видели, опустили поводья, доверились всецело своим лошадям; ветки хлестали по лицу, угрожая выколоть глаза; мы куда-то спускались, поднимались, опять спускались. Лошади вздрагивали, поминутно останавливались, тревожно прислушиваясь. Издали доносились зловещие крики ночных птиц, неведомых зверей.

Шакро, видимо, волновался; сначала он уверял, что все идет как надо, потом замолчал. Было похоже на то, что мы сбились с дороги, потеряли тропинку и блуждали бесцельно в лесу.

Наконец мы остановились в густом лесу в полной темноте. Стало ясно, что мы попали в скверную историю. Двигаться дальше таким образом было рискованно: мы могли свалиться куда-нибудь в пропасть и

Женщины с детьми.

вернуть себе шею; кроме того, двигаться в темноте, еизвестно куда было совершенно бессмысленно. счастью, я вспомнил про запас свечей, который мы

имели при себе. Шакро достал свечи из хурджин; мы зажгли их и, держа каждый по зажженной свече, повели своих лошадей в поводу.

Вероятно, странную, фантастическую картину представляли мы в это время: в горных трущобах Хевсуретии, в складках Главного кавказского хребта, в глухом лесу, точно призраки, двигались три молчаливые фигуры, каждая с зажженной свечой в руке, держа в поводу лошадь. Если бы нас увидели в это время хевсуры, случайно проезжающие невдалеке, они, вероятно, приняли бы нас за выходцев с того света и, чтобы спугнуть видение, послали бы в нас залп из своих винтовок.

Все кончается на свете. Кончилось и наше блуждание по лесу с зажженными свечами. Мы услышали лай овчарок, пошли на него и, сравнительно скоро выбравшись из лесу, добрались до Гули.

Было около десяти часов вечера, когда мы достигли селения.

Наш новый хозяин Гамихарди Кистаури ввел нас в свой дом, где по стенам было развешено старинное оружие: прямой хевсурский меч, щит, шлем, кольчуга.

Мы поужинали и легли спать на свежем воздухе, на плоской крыше сакли, под стогом свежего сена.

От Шатиля до Гули — около сорока километров. Можно судить, какую дорогу мы проехали, если, выехав из Шатиля в десять часов утра и отдыхая всего час после первого безымянного перевала, мы добрались до Гули около десяти часов вечера.

Проснувшись среди ночи, я видел в ярком свете луны огромные горы, покрытые лесом, темное глубо-

кое ущелье, на дне которого шумела Хевсурская Арагва. Где-то в лесу плакала гиена, а у нас в головах под стогом сена злобно лаяла, скаля зубы, огромная хевсурская овчарка.

Внутренность дома.

21 августа

Проснулись в шесть часов утра бодрые, отдохнувшие.

Весело умылись холодной водой, поливая друг другу. Потом с плоской крыши, служившей нам спальней, спустились в дом и позавтракали по-хевсурски: жесткими черными лепешками, овечьим сыром, коровьим маслом, молоком.

Для дальнейшего путешествия нам нужны свежие лошади: наши измучены, и их давно пора отослать на отдых в Матуру, но хевсуры заламывают с нас ни с чем не сообразную цену, и мы решаем продолжать путь на матурских лошадях, с которыми уже свыклись за эти дни. Но в таком случае нам необходимо взять с собой человека, который, следуя с нами до Пасанаура, даст там отдых лошадям и вернет их в Матуру. С нами вызывается ехать сын хозяина, мальчик лет двенадцати; однако в последний момент хозяин передумывает и не пускает сына: дело в том, что семья, к которой принадлежит мальчик, в кровной вражде с другой хевсурской семьей, и мальчишку могут убить по дороге. Нам дают в провожатые деда — девяностопятилетнего Торелу, бодрого старика, который следует за нами на муле. Ему не грозит никакая опасность — он уже вышел из того возраста, когда можно быть объектом мести: по хевсурским законам кровной мести не подвергаются мальчики до десяти лет и старики.

Мы прощаемся с хозяевами и в восемь с половиной часов утра начинаем спускаться на самое дно глубокого ущелья, где шумит и беснуется Хевсурская Арагва. Внизу навстречу нам по нижней тропе едет группа хевсур в своих живописных, орнаментально расшитых кафтанах; двое из них с круглыми щитами за спиной. Торела начинает ерзать в седле, с беспокойством в них всматриваясь, но все обходится благополучно.

Мы спускаемся к Арагве и следуем вниз по течению, переправляясь с одного берега на другой. Лошади неохотно входят в воду, нащупывая ногами каменистое неровное дно и медленно переходят реку в брод. Вода

выше брюха лошадей, поэтому приходится высвобождать ноги из стремян и задирать их на седло. В таком неустойчивом положении, рискуя каждый момент свалиться с лошади в воду, мы совершаем переезды через Арагву; быстрая горная река в зеленой раме леса, над нашими головами сияет жаркое солнце, кроме нас—ни души кругом, и мы полны того спокойного, бодрого и радостного чувства, которое бывает в горах среди природы.

Иногда Шакро, едущий впереди всех, в нерешительности останавливается на крутом берегу и пытливо всматривается в быстрые волны, катящиеся под ногами. Обычно он самостоятельно справляется с задачей и по каким-то ему одному ведомым признакам определяет наиболее удобное место переправы. Раза два—три, в наиболее трудных местах, к нему подъезжает Торела, консультирует, корявым, несгибающимся пальцем указывает направление. Шакро с видимой неохотой слушает его указания, но следует им, и они всегда необычайно правильны. В те моменты, когда они оба, пригнувшись к передней луке, всматриваются в воду и держат совет, они напоминают тех искусных лоцманов на Миссисипи Марка Твена, которые умели читать на воде и безошибочно вели пароход по изменчивому фарватеру реки, минуя предательские рифы и коварные отмели. Проехав вниз по течению Хевсурской Арагвы несколько километров, мы покинули реку и стали удаляться от нее, свернув в ущелье вправо по течению. Тропа сначала шла по дну ущелья, а потом пошла в гору, на вершине которой расположено хевсурское селение Бучукурта. Поднявшись к нему, мы увидели позади

себя высоко на скате противулежащей горы другое селение—Охер-хеви.

Было жарко, я ехал без шапки, в одной белой рубашке с открытым воротом и засученными рукавами. Нас мучила жажда.

Я отделился от своих спутников, подъехал к огромному орешнику, в тени которого прятались хевсурские ребята, и попросил воды. Дети некоторое время наблюдали меня с разинутыми ртами, а потом пустились от меня наутек, точно я был нечистой силой. Удивленный таким странным поведением ребят, я вернулся к поджидавшим меня спутникам и был встречен веселым смехом. Моя неудача объяснялась очень просто: я упустил из виду, что хевсуры не носят ничего белого и относятся к этому цвету с известным недоверием и оттенком враждебности.

Проехав селения Бучукурта и Уканахо, мы стали спускаться крутой тропой снова вниз. Вдали, высоко на фоне безоблачного неба, вздымался гребень последнего перевала, который был на нашем пути—Бакурхевского. За ним, по ту сторону хребта, расположено последнее хевсурское селение—Бакур-хеви; от него идет ровная и удобная дорога до самого Пасанаура, отстоящего от Бакур-хеви в двадцати пяти километрах.

Спустившись к самому подножью хребта, мы спешились у родника, напились, напоили лошадей и начали подниматься. Бакурхевский перевал (две тысячи девятьсот один метр) уступает по высоте Матурскому (три тысячи сто шестьдесят семь метров), но предыдущие три перевала так утомили лошадей, что мы поднимались чрезвычайно медленно, часто отдыхая и давая пере-

Хевсурские дети.

дохнуть измученным животным. Особенно жалели лошадей мы с Владимиром Александровичем, благодаря чему Шакро и Торела очутились далеко впереди нас.

Если бы не усталость при подъеме, какое огромное, ни с чем не сравнимое наслаждение доставляет взби-

раться на высокий перевал! Когда кончается полоса леса и начинаются альпийские луга, все существо испытывает чувство свободы, легкости, счастья; легкие наполняются чистым воздухом гор, глаза отдыхают на мягком фоне свежей зелени, тишина, спокойствие спускаются на душу. Когда после нескольких сот шагов кверху, в гору, остановишься, чтобы передохнуть, взгляд невольно обращается вниз, в долину, на пройденный путь, на соседние горы-великаны, упирающиеся верхушками в облака, уходящие бесконечной чередой куда-то в даль, задернутую дымкой. Кругом—ни души; вокруг—ни звука. Изредка услышишь над собой гордый клекот орла или тоскливый призыв ястреба и, когда поднимешь голову, увидишь сгромную птицу с развернутыми крыльями, парящую высоко в небе. Здесь так спокойно и тихо, что слышно, как разгоряченная кровь переливается в жилах, как бьется ускорившийся пульс. Рядом стоит лошадь, пощипывает сочную траву, позванивая удилами и отгоняя хвостом назойливых оводов.

Горячее солнце заливает яркими лучами панораму гор. Кое-где на зеленом откосе горы лежит круглая тень от облака. Серебром сверкает на солнце прозрачная струя ручья.

Недалеко от перевала у нас была интересная встреча с одиноким, отбившимся от стада быком. Большой красивый бык стоял на крутой скале и, поворачивая голову во все стороны, тревожно мычал. Завидев нас, он с надеждой повернул к нам свою большую рогатую голову и ждал, но когда увидел, что мы стали подниматься круто вверх, опустил голову вниз к долине и опять замычал протяжно и тревожно, точно призывая

на помощь. Стадо, от которого он отстал, мы видели спускающимся далеко внизу у полосы лесов.

Ровно в три часа дня достигли перевала. Здесь мы отдохнули минут десять, в последний раз любуясь чудной картиной, раскрывавшейся перед нами. Шакро показал нам отсюда Велькетильский перевал—небольшую седловину на высоком хребте гор.

С невольной грустью мы смотрели в последний раз на Хевсуретию, мысленно прощаясь с удивительной страной, населенной вольными, гостеприимными, мужественными людьми, так живо напомнившими нам средние века, начало феодализма.

* * *

Шакро и Торела, не ожидая нас, быстро спускались вниз к Бакур-хеви. Мы с Владимиром Александровичем следовали за ними, ведя лошадей в поводу.

Бакур-хеви—уже не Хевсуретия, это—выселки.

Это не хевсурское орлиное гнездо, грозно высящееся на скале, полное средневековой романтики; дома Бакур-хеви — плоские сакли, грязные, непривлекательные. Хевсуретия осталась там, за Бакурхевским перевалом. Бакур-хеви соединено с Пасанауром очень приличной колесной дорогой, пролегающей вдоль притока Арагвы по Гудамакарскому ущелью. Сюда каждое лето устремляются целые толпы экскурсий. Москвичи, питерцы, группами в двадцать—тридцать человек с волнением готовятся в Пасанауре к путешествию „в Хевсуретию" и веселой шумной кавалькадой в сопровождении лихого проводника, типа крымских проводников-татар, едут сюда. Здесь они пьют молоко с чер-

ным хлебом, рассматривают средневековое вооружение бакурхевцев, вышедшее из употребления, и, возвращаясь обратно по гладкой шоссированной дороге, рассказывают в Москве, Питере и других городах Союза о своем путешествии в Хевсуретию, о кровной мести, диких нравах воинственного народа, живущего „в пещерах", о головоломных тропинках, бездонных пропастях, о своем путешествии, полном приключений и ужасных опасностях, леденящих кровь.

Одну такую экскурсию мы встретили, спустившись с перевала: молодые люди в живописных войлочных шляпах, отдаленно напоминающих сомбреро, с финскими ножами у пояса, девицы в соломенных шляпах, изящно отделанных голубым или розовым газом, некоторые из них в мужских брюках, чтобы было удобнее ехать верхом, расположились на отдых внизу у деревни, у Бакурхевис-цхали. В центре группы проводник очень уверенно рассказывал слушателям что-то о нравах и обычаях хевсур.

Наша группа, спускавшаяся с перевала, невольно привлекла внимание экскурсантов: загорелые, обветренные лица, обросшие бородами, измятые, запачканные костюмы, небольшие горские лошади, с которыми мы точно срослись за эти бесконечные дни беспрерывных скитаний в горах, мужественный Шакро впереди, с небрежным изяществом сидящий в седле, почти столетний хевсур Торела, заключающий нашу небольшую кавалькаду на своем муле—все это так было непохоже на щеголевато выглядевших экскурсантов из Пасанаура.

Узнав, что мы проехали через всю Пшавию и Хевсуретию, нас окружили, стали расспрашивать и

с почтительным вниманием разглядывали Торелу и Шакро.

Часть пути мы проехали вместе.

Лошади, очевидно, почуявшие скорый конец путешествия и долгий отдых, бодро скакали, почти не понукаемые нами.

Когда мы были приблизительно на половине дороги между Бакур-хеви и Пасанауром, темная грозовая туча заслонила солнце и заволокла все Гудамакарское ущелье; грозные раскаты грома за горой гремели, точно залпы тяжелой артиллерии. Мы пустили своих лошадей вскачь и скоро оставили далеко позади себя экскурсию. После бешеной получасовой скачки мы ровно в шесть часов вечера примчались в Пасанаур. Едва мы соскочили с лошадей, как полил проливной дождь.

Мы укрылись на широком крытом балконе гостиницы. Торела остался с лошадьми, Шакро перетаскивал вещи, а мы с Владимиром Александровичем наскоро привели себя в порядок, умылись и заказали обед.

* * *

Наше чудесное путешествие кончилось. Сказочная страна, населенная мужественными, гостеприимными людьми, умеющими достойно принять и друга и врага, осталась там, позади, за высоким хребтом гор.

Впервые после стольких дней мы сели втроем за стол, накрытый скатертью. Владимир Александрович наполнил бокалы вином и первый тост провозгласил за здоровье нашего проводника Шакро Басилашвили, показавшего себя в этом трудном путешествии прекрасным знатоком Хевсуретии, хорошим товарищем,

смелым, находчивым, неизменно веселым. Мы дружно чокнулись с растроганным Шакро и от души выпили за здоровье человека, совместное путешествие с которым сделало его странно близким.

Завтра мы должны с ним распрощаться: он вернется к себе в Душет, мы уедем в Москву.

Кто знает, увидимся ли еще когда-нибудь...

* * *

На широком балконе гостиницы—люди, шумливые, суетливые горожане, от которых мы успели отвыкнуть; в саду перед балконом на цепи, прикрепленной к высокому столбу—два бурых медвежонка. В нескольких шагах от них—большой запыленный автомобиль, только-что прибывший из Владикавказа. Мы пытаемся получить два места до Тифлиса и одно до Душета, но выясняется, что все места заняты. До самого вечера мы скитаемся по Пасанауру, поджидая машины из Владикавказа и предпринимая все возможное, чтобы уехать в Тифлис, но ничего не выходит, и мы принуждены подумать о ночлеге. Все номера заняты. С трудом мы получаем в большом общем номере две кровати. Шакро и здесь отыскал знакомых и отправился ночевать к ним.

Спим мы беспокойно, часто просыпаясь.

Стоит только закрыть глаза, как начинает казаться, что я сижу на своей лошади, крепко сжимая ногами ее бока; с одной стороны—отвесная скала, с другой—пропасть; надо ехать с большой осторожностью, а лошадь несется вскачь, все тело напрягается от внимания к каждому ее движению, и чувствуется смертельная

Гуро. Башня ингушского типа. На заднем плане—Црольский массив.

усталость, и так хочется отдохнуть. Я просыпаюсь открываю глаза, вижу себя в постели, вижу, как так же беспокойно мечется Владимир Александрович. Ноги и все тело мучительно устали за время путешествия; хочется уснуть, отдохнуть, но стоит закрыть глаза, задремать, как снова видишь себя сидящим на лошади; усталые ноги сжимают бока, все тело снова напрягается, а лошадь бешено мчится вдоль пропасти и нет конца безумной скачке...

Глава II

МАРШРУТЫ НЕКОТОРЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Хевсуретия, эта своеобразная горная страна, находится всего в ста километрах по прямой линии от Тифлиса, к северу от него. Массив Главного кавказского хребта делит ее на две части: северную, или Пирикительскую (потустороннюю), и южную, или Пиракетельскую (посюстороннюю). Северная расположена в бассейнах рек Аргуна и его притоков и реки Ассы, а южная—в бассейне Хевсурской Арагвы.

Проникнуть в Хевсуретию можно со стороны Военно-Грузинской дороги из следующих пунктов: из Душета—по Пшавской Арагве, через Пшавию и Матурский перевал; из Пасанаура—по Гудамакарскому ущелью, вверх по Арагве и Бакурхевский перевал; из Казбека—через Архотский (Джутский) перевал в Пирикительскую часть и через перевал Садзелигеле в Пиракетельскую часть; кроме того, в Хевсуретию можно проникнуть через Кахетию и землю Тушин по долине реки Алазань и

перевалы Сакорно и Борбало; затем через перевал Ацунта и наконец из Ингушетии по реке Асса и из Чечни по Аргуну.

Трудно сказать, какой путь живописнее. Высокие горы, тесные ущелья, по дну которых змеятся горные потоки, карнизообразные тропинки, выбитые в скалах часто на значительной высоте, перевалы, достигающие трех—трех с половиной километров над уровнем моря, с которых открывается сказочный вид на десятки километров вокруг—вот то характерное, что свойственно каждому из перечисленных путей.

Г. Радде, посетивший Хевсуретию в 1876 году и оставивший интересное описание этого путешествия в своей книге „Хевсурия и хевсуры", предпринял поездку верхом и избрал следующий маршрут: Тифлис—Тионети—долина реки Иоры—Сашубский перевал, затем вверх по Пшавской Арагве до слияния ее с Хевсурской Арагвой и вверх по течению Хевсурской Арагвы.

В виду большого интереса, который представляет это путешествие, следует передать его хотя бы в общих чертах.

Выехав из Тифлиса, Радде с двумя спутниками, следуя в направлении к северу, вышел на обширную равнину, расположенную на левой стороне Куры.

У этой равнины кончаются в виде небольших холмов продольные горные цепи, представляющие собой переднюю гряду водораздела между системами Иоры и Арагвы. Не доходя станции Авчал, дорога поворачивает вправо и через цепь холмов выходит в долину Глданки, по которой идет подъем на Сагурамские высоты. Минуя монастырь Мама-Коды и затем далее урочище Цхвари-

Чамиа, путешественники стали подыматься на Сабадурские горы, покрытые буковым лесом.

С гребня этих гор открывается прекрасный вид на лежащий далеко внизу Тифлис и всю местность, окружающую город. Непосредственно под хребтом извивается узкое ущелье Мэкрал-хеви, несущее свои воды с востока на запад, в Арагву. Тропа спускается вниз в ущелье и, перейдя через ручей, ведет от южной подошвы Сабадурского хребта вверх, к перевалу. Высота перевала около полутора километров; спуск к северной подошве довольно крут, идет лиственным лесом и выходит на прекрасную равнину Эрцо. Население этой равнины составляют коренные грузины, хевсуры и пшавы, покинувшие свою гористую родину.

Эрцойская равнина, склоняющаяся постепенно на восток, окружена со всех сторон сравнительно невысокими горами: мощный Сабадурский хребет замыкает ее с юга; против него тянутся холмы, дающие начало ручейкам, впадающим в Иору.

За этими холмами находится Тионетская равнина.

По равнине Эрцо пролегает прекрасное шоссе. Следуя в северном направлении и минуя Сакарауло, дорога выходит на равнину Иоры; затем, поднимаясь далее по высотам правого берега Иоры и спустившись на Тионетскую равнину, дорога приводит в Тионети.

Из Тионет дорога идет в северном направлении вдоль правого берега Иоры к Сашубскому перевалу. Расположенные на пути селения—Аджагви на правом берегу Иоры и Квернаули на левом берегу—представляют собой последние грузинские поселения; далее следуют жилища пшавов.

Пшавское селение Артани, расположенное примерно на высоте одного с лишним километра, представляет собой крайний пункт произрастания орехов. От Артани дорога ведет к высотам, у которых вилообразно сливаются истоки Иоры.

Больший из них вытекает из восточного склона хребта Массара; на его крутых берегах расположено много пшавских селений. Меньший исток, называемый Кашрула [1], бежит с севера; к северу за ним возвышаются величественные горы Падла-ури. Следуя вверх по течению Кашрула, путешественники достигли селения Бачали и, повернув влево, вступили в узкую боковую долину Бачлис-хеви. Затем, взобравшись вверх по крутому подъему, вышли к восточной стороне Сашубских гор и, взбираясь далее, достигли самого гребня.

Сашубские горы служат водоразделом Иоры и Пшавской Арагвы и к северу заканчиваются горою Шухаисваке, достигающей двух с половиной километров высоты. В северо-западном направлении виден Казбек. К юго-востоку тянутся леса областей рек Алазани, Ильто и Иоры.

Отсюда по крайне крутому западному склону идет спуск в долину ручья Боцахи, одного из истоков потока Чарглула, который, направляясь с востока на запад, впадает в Пшавскую Арагву. Гряда высот по правому берегу Пшавской Арагвы достигает наибольшего своего развития в хребте Кильдовани. С южной

---

[1] Исправления неправильных названий, встречающихся в труде *Г. Радде*, сделаны согласно указаниям *Р. Д. Эристова* (см. „Записки кавказского отдела Русского Географического Общества", книга XIV, выпуск 1). — *Прим. автора.*

и северной сторон хребта впадают в Пшавскую Арагву две значительные долины: южная — Кацал-хеви и северная—Кшиа-хеви.

Минуя устья этих долин и следуя вдоль левого берега Пшавской Арагвы, Радде достиг Орцхали (Двуречье), где сливаются воды Пшавской и Хевсурской Арагвы. Орцхали находится на высоте более одного километра над уровнем моря.

Оба истока с их водораздельными хребтами образуют две области, резко разграниченные в этнографическом отношении: в пределах текущей с востока Пшавской Арагвы обитают пшавы, а в области текущей с севера Хевсурской Арагвы—только хевсуры.

Ущелье Хевсурской Арагвы представляет значительные трудности для путешествия. Продвигаться по нем приходится медленно, то карабкаясь на неприступные крутизны, то переправляясь через поток по зыбким мостам, сооруженным из двух—трех бревен, скрепленных деревянными гвоздями. Только после хевсурского селения Ачеха некоторое время тропа идет по просторному прибрежному лугу, но далее, вверх по долине, ущелье снова принимает дикий и грозный вид.

От селения Охер-хеви, расположенного на высоком правом берегу ручья, открывается довольно обширный вид к северу с частью южного фаса Архотис-мта.

Перейдя на левый берег ручья, приходится взбираться на крутизну. Попадаются группы старых деревьев, главным образом дуб, клен и ясень, представляющие собой священные рощи хевсур, в которых стоят их капища и пивоварни. Высоко на открытом склоне расположено террасами селение Гули.

Подвигаясь далее вперед вдоль крутого обрыва над узкой долиной Хевсурской Арагвы, то спускаясь к водам потока, то поднимаясь на двести метров, путешественники достигли селения Харнаулта; ниже селения пришлось взбираться на выдающийся отрог, круто падающий к югу и западу, и обогнуть его.

Отсюда путь идет прямо на север по тесному ущелью. Пройдя вперед около двух километров по ущелью и повернув направо, приходится подняться в гору; вступив на более широкую дорогу, идущую вдоль нижнего края священной рощи, видишь перед собой селение Бло; Бло расположено террасами среди пышных нижне-альпийских лугов на высоте двух километров над уровнем моря, непосредственно у подножья крутых южных склонов Архотис-мта.

От селения Бло тропинка идет круто вниз к ручью Бло. Минуя ручей, дорога идет на запад круто в гору. Перевалив через водораздел между ручьем Бло и системой реки Рошкис-цхали, тропинка поворачивает на юг и, следуя вдоль плоской долины, вступает выше селения Рошки в просторную главную долину, постепенно повышающуюся к западу. Отсюда путь идет к Рошки-Хорхи и затем через перевал Архотис-мта.

Отсюда путь идет по каменистому руслу реки Ахиели вдоль правого ее берега. Скоро показывается высокая башня Квира-цминда. После отдыха здесь Радде вторично поднялся на Архотский перевал, чтобы пройти по южному его краю в восточном направлении и, обогнув крайние истоки Хевсурской Арагвы, достигнуть перевала Анаторис-мта, который отделяет крайний юго-

западный исток Аргуни от системы Арагвы. Достигнув перевала Архотис-тави и следуя по южному краю гребня Большого Кавказа, путешественники достигли селения Зеис-течо.

Для того, чтобы достигнуть просторной альпийской страны, расположенной у западной подошвы Анаторис-геле, приходится спуститься в долину Укан-Хадо, к правому его берегу. Выше селения Укан-Хадо приходится покинуть главную долину и подыматься в гору на перевал. Высота Анаторис-геле около трех километров над уровнем моря. Перейдя через перевал, путешественники вступили в глубокое ущелье ручья Ахнехис-цхали, принадлежащего уже к системе Аргуна. После спуска вниз достигли главной долины, по которой течет стремительно-бурный и многоводный ручей Гурос-цхали; тропа идет к северо--востоку, затем поворачивает к востоку и выводит к большому хевсурскому селению Гуро. Отсюда по дикому ущелью, по дну которого течет Гурос-цхали, Радде прошел к Шатилю.

Из Шатиля, пройдя вниз по течению Шатилис-цхали до слияния с Ардотис-цхали и переправившись у Анатори на левый берег ручья, путешественники, поднявшись на крутой левый берег, достигли высоты двухсотпятидесяти метров над поверхностью ручья. Удаляясь затем от береговых высот и обогнув высоту двух небольших боковых долин, подошли к границе между землями хевсур и кистин.

Пройдя на значительной высоте по обнаженному гребню берегового хребта, Радде достиг кистинского селения Джарего.

Вернувшись к Анатори, Радде направился вверх по течению Ардотис-цхали, направляясь мимо Муцо к селению Ардоти.

От Ардоти направление было взято к горной группе Ацунта. Спустившись к Ардотис-цхали и двигаясь против течения вдоль правого берега, путешественники предприняли подъем на Хидотанский хребет и, вступив на западную сторону Хидотани и имея перед собой перевал Ацунта, продолжали путь по альпийским лугам.

Достигнув заднего восточного угла высокой долины, непосредственно примыкающей к западной подошве перевала Ацунта, стали подниматься круто вверх без всякого намека на тропинку. После больших усилий удалось достигнуть вершины перевала.

Спуск по восточному склону не представляет особенных трудностей и идет по рыхлому сланцу, по которому почти скатываешься под гору.

Отсюда, подвигаясь в направлении к северо-востоку и дойдя до горного выступа, имеющего вид мыса, и обогнув его с востока и затем к юго востоку, Радде вскоре достиг первой тушинской деревни Чонтио. Отсюда путь пошел к Дартло на высоте левого берега Пирикительской Алазани.

Достигнув Дартло и перевалив через хребет, разделяющий два параллельных притока Алазани, затем пройдя вверх по течению второго из них до высот, из которых он вытекает, и пробравшись через них к Борбало, путешественники вступили в область Кахетинской Алазани.

* * *

Другой исследователь Кавказа — Мориц фон Деши, оставивший описание Кавказа на немецком языке, прошел в Хевсуретию через Кахетию и Тушетию, перевалив через Ацунтский перевал, через который Радде вернулся из Хевсуретии.

* * *

Тебулос-мта образует собой водораздел между Пирикительской Алазанью и восточной родниковой областью Аргуна. На юг от Тебулос-мта находится Ацунтский перевал, через который лежит путь в Хевсуретию.

Сначала подниматься приходится по склонам, покрытым травой, затем идут скаты, покрытые осыпающимися породами. Ацунтский перевал представляет собой широкую брешь в хребте Тебулосской группы; высота его три тысячи пятьсот семьдесят метров над уровнем моря; южный скалистый хребет более возвышен и тянется к широкому снежному хребту. С его высшей точки, представляющей собой подобие купола, открывается широкий вид: линия хребта к югу резко снижается, на востоке она мягко переходит в пологий снеговой скат, на западе обрывается ужасной пропастью. Вид отсюда великолепный: на востоке выступают длинные темные верхушки скал, которые вместе с отвесными кручами образуют узорчатое кружево; за величественным сводом Пирчитас-тави, достигающим трех тысяч восьмисот девяноста девяти метров, следует пирамида Амуго-тави (три тысячи девятьсот шестьдесят пять метров), к длинной южной вершине которого примыкает группа вершин Наруан-тави (три тысячи пятьсот двадцать два метра). На севере цепь гор превращается в сплошной

снежный хребет, над которым возвышается величественная вершина Тебулос-мта.

Западный скат Ацунтского перевала менее крут, чем восточный, и стелется далеко вниз мягкой осыпью шиферных пород, представляющих собой тонкие пласты глинистого шифера, пронизанного белыми блестящими жилами кварца.

Посреди шиферных пород расположены с легким скатом террасы, покрытые богатой альпийской растительностью. Несколько ниже расположены склоны, покрытые густой сочной зеленью; глубоко внизу, освещенные солнцем, лежат широкие зеленые спины холмов.

Спустившись вниз, попадаешь в долину Урос-Хеви; тропинка идет вдоль реки по узкой, густо заросшей лощине, которую образуют невысокие горные стены, и приводит к небольшому селению Кхонис-чала. От этого селения тропа идет по красивой узкой лощине к слиянию потока с Андакис-цхали (Ардотис-цхали), берущего свое начало на склонах Главного кавказского хребта, лежащих на западе от Борбало. Обнаженность шиферных скал несколько смягчается лишь немногими зелеными кустами, и только местами встречаются кривые березы, которые сумели укрепиться в расщелинах скал.

С правой стороны долины на вершине крутой горы находится селение Муцо с высокой башней (тысяча пятьсот семьдесят девять метров). Затем следует опять ряд красивых лощин, где ступенчатые шиферные скалы часто образуют вертикальные стены.

Через поток, который приходится переходить, проложены неустойчивые мостики, прикрепленные к бере-

гам каменными глыбами. Высоко над долиной—зеленеющие террасы с богатой субальпийской луговой флорой. Солнце, благодаря которому развивается растительность, дает чувствовать свою силу. Лишь вступив в лес, где стоят береза, ясень, ольха и клен, чувствуешь прохладу.

На высоком углу, под которым Ардотис-цхали сливается с Шатилис-цхали, находятся гробницы хевсур—Анатори.

Тропинка спускается к Шатилис-цхали и идет узким ущельем вдоль реки.

По ту сторону реки круто подымается стена мягкого глинистого шифера, который, выветриваясь, образует многочисленные пирамиды, осыпающиеся столбы и острые стрелы.

Через час после Анатори открывается небольшая пологая долина. На высокой крутой скале амфитеатром расположены каменные стены, замки и башни.

Эта своеобразная картина, неожиданно возникающая перед путником, поражает воображение. Мрачно и грозно высится укрепленная скала с потемневшими от времени стенами. Это Шатиль — главное селение Хевсуретии, расположенное на высоте тысячи четырехсот четырех метров.

Из Шатиля экспедиция Морица фон Деши направилась теснинoй, по которой течет бурный Шатилис-цхали. Узкой лентой, круто поднимаясь, тропинка вьется кверху. По мере продвижения в него ущелье становится все более диким, все теснее сходятся стены. Затем ущелье расширяется, и тропинка сворачивает вправо, в боковую долину, которая ведет к селению Гуро.

Из Гуро экспедиция вернулась к главному ущелью и вышла в долину реки Кистии.

Две сторожевые башни стерегут вход в долину. Долина окружена незначительными высотами, покрытыми густой зеленью. Перевалив через Анатэрис-геле, путешественники начали спускаться в родниковую область Хевсурской Арагвы. Спуск идет без дороги по волнистой горной стране с богатой альпийской флорой.

Горы, которые возвышаются на западе, все растут. Их снежные вершины принадлежат вулканической многовершинной громаде Чаухи. Самая высокая вершина достигает трех тысяч восьмисот сорока семи метров.

Ниже, на склонах долины, видны группы берез и громадных ясеней, которые окружают каменные хижины, расположенные на небольших террасах. Эти хижины принадлежат селению Укан-Хаду, которое расположено на высоте тысячи семисот двадцати восьми метров. Несколько далее расположено селение Цин-Хаду (тысяча девятьсот двадцать метров). Отсюда путешественники намеревались перевалить через одну из седловин Главного хребта, чтобы приблизиться к высоким горным цепям, которые, отделяясь от хребта, тянутся к северу. Ландшафт истоков Хевсурской Арагвы носит характер альпийских средних гор: слегка холмистые склоны долины покрыты зелеными лугами, между ними выделяются желтые поля ячменя. На террасах расположены многочисленные деревни, окруженные березовыми рощицами. В тени огромных священных деревьев стоят иногда каменные хижины—хати деревни. Ручьи текут в широких рвах, которые прорезали себе

воды в мягкой шиферной породе. Дальше вверх уже нет леса. Ряд гор, которые возвышаются на севере, образует кривую линию хребта; нигде не видно большого скопления снега: в этой части южного склона хевсурских альп совершенно отсутствуют ледники.

От Цин-Хаду Мориц фон Деши со спутниками поднялся на Колотанис-геле (две тысячи восемьсот пятьдесят метров) и отсюда спустился круто вниз на северную сторону перевала; сначала путь шел по лощинистой пустоши, затем долина расширилась. Богатая луговая флора покрывает долину, которую орошает Колотанис-цхали. Перед колотанисскими хижинами появляется лес, смешанный с хвойными деревьями. Дорога ведет к ручью и вскоре к его соединению с Архотис-цхали. Короткая дорога через Архотскую долину ведет к большой хевсурской деревне Амга, которая расположена на террасе высоко над долиной, на правом берегу реки.

Колотанис-цхали и Архотис-цхали, ниспадающие с Главного хребта, соединяются ниже Амги и образуют реку Асса. Верхнюю, родниковую часть Ассы населяют хевсуры, в нижней области долины живут ингуши, племя, родственное чеченцам.

Спустившись из деревни Амга и перейдя через ряд речек, путешественники поднялись из долины к высоко лежащему Ахиелю; отсюда дорога пошла к Квира-цминда (тысяча семьсот пятьдесят восемь метров), у которой стоит высокая круглая башня, охраняющая долину при слиянии истоков Архотис-цхали, Чимгис-цхали и Цирцловнис-цхали.

За хижинами, образующими село Чимга, дорога переходит речку и входит в лощину, поворачивающую на

запад. С невысокого уступа ниспадает пенистая речка и, шумя, бежит дальше. Отсюда начинается подъем сначала луговыми склонами, а затем по склонам, покрытым осыпью; под массами осыпи скрыт ледник, который Деши назвал Шибуглетчер. Утомительное путешествие через море обломков и через боковые морены ледника завершается восхождением на перевал Шибугеле (три тысячи четыреста сорок семь метров).

С перевала спуск идет по глубокой осыпи, которая покрывает лед; маленькие ледники тянутся со всех сторон в котловину. Отсюда, пересекая склоны, покрытые осыпью, и большие скопления снега от лавин, путешественники прибыли к леднику Шанской котловины. Крутые снежные склоны тянутся амфитеатром вверх по стенам гор. Вверху на извилистой линии хребта видна седловина, покрытая снегом, через которую надо было перейти. Для того, чтобы достигнуть этой седловины, лежащей на высоте трех тысяч четырехсот метров, потребовалось затратить три часа. Хевсуры называют эту часть гор и ледник „Инквари". С перевала открывается вид на величественные скалистые горы, изборожденные складками, наполненными снегом, покрытые небольшими ледниками. Прямо внизу лежит узкая котловина, наполненная осыпью, имеющая направление к югу; влево тянется зубчатый скалистый хребет Гвелис-мта.

С высоты Инквари-геле путешественники спустились по одной из северных боковых лощин Джутской долины к ручью Джута и, следуя по его течению, дошли до впадения его в главную долину, по которой течет Черная Арагва. Перед местечком Сно Черная Арагва

вступает в широкую плоскую долину и разливается по ней, делясь на несколько рукавов. Северные склоны отступают назад, и перед глазами появляется Казбек. Белоснежный покров горы окружен золотым светом и представляет собой изумительную картину.

* * *

Летом 1928 года студенты этнологического факультета Первого московского государственного университета [1], отправившиеся на академическую практику- решили избрать объектом последней Пирикительскую Хевсуретию. Маршрут экспедиции был таков: город Телав, бывшая столица кахетинского царства, одного из составных частей царства Грузинского после его распада в XV столетии. Древняя столица Кахетии Греми, разрушенная сначала Тамерланом (XV столетие), а потом Шах-Аббасом в (XVII ст.), от которой остались великолепные развалины, находится в километрах двадцати от Телава на левом берегу Алазани. После упадка Грузии и усиления набегов горцев-дагестанцев столица Кахетии была перенесена с левого берега Алазани на правый.

Из Телава экспедиция выехала 11 августа 1928 года в Панкисское ущелье, по которому до селения Джокола идет колесная дорога. Джокола и некоторые окружающие селения интересны тем, что в них живут кистины и осетины, переселившиеся сюда в XIX веке, повидимому, в результате родовой вражды, спасаясь от кровной мести. Район же в целом населен грузинами, тушинами и кахетинцами.

— [1] Описание студенческой экспедиции летом 1922 г. составлено В. Н. Худадовым.

Вид на Казбек из ущелья Черной Арагвы

От Джоколы, вернее—Оммало, начинается крутой подъем посреди великолепных буковых лесов. За полосой лесов лежат превосходные альпийские луга, посреди которых стоит Тбатана (Приозерная)—летний поселок тушин-цовцев, тоже чеченского происхождения.

Сел. Джокола.

Большинство тушин—грузины; однако два общества—цовское и гомецарское—состоят из огрузинившихся кистин и говорят или говорили одновременно на грузинском и чеченском языках. Тбатана—удивительный уголок, расположенный на большой высоте (не менее двух тысяч метров над уровнем моря). С севера он защищен высокими горами, преграждающими доступ холодным воздушным течениям, с юга открыт совершенно. Вне всякого сомнения, с развитием путей сообщения Тба-

тана станет одним из наилучших летних курортов Закавказья.

В Тбатане экспедиция дневала, после чего начала подыматься по крутому гребню Кахетинского хребта. Высшая точка подъема - Рхиние мта (Железная гора)—

По дороге из Джоколы в Тбатану.

достигает трех тысяч метров высоты. Подъем очень крут и тяжел. Итти пришлось в тумане, переходившем в дождь и крупу.

После продолжительного пути по гребню горы Массара (около трех тысяч метров) пришлось стремительно спускаться в ущелье Циплоанис-хевис-цхали (река Букового ущелья). Циплоанис-хеви—глубокая, дикая расще-

лина, на дне которой несется поток, пользующийся дурной славой: во время таяния снегов, гроз он вздувается в течение получаса и буквально все сносит по пути. Однако выбора не было, пришлось ночевать у потока в лесу, т. е. примерно на высоте тысячи шестисот—ты-

Тбатана.

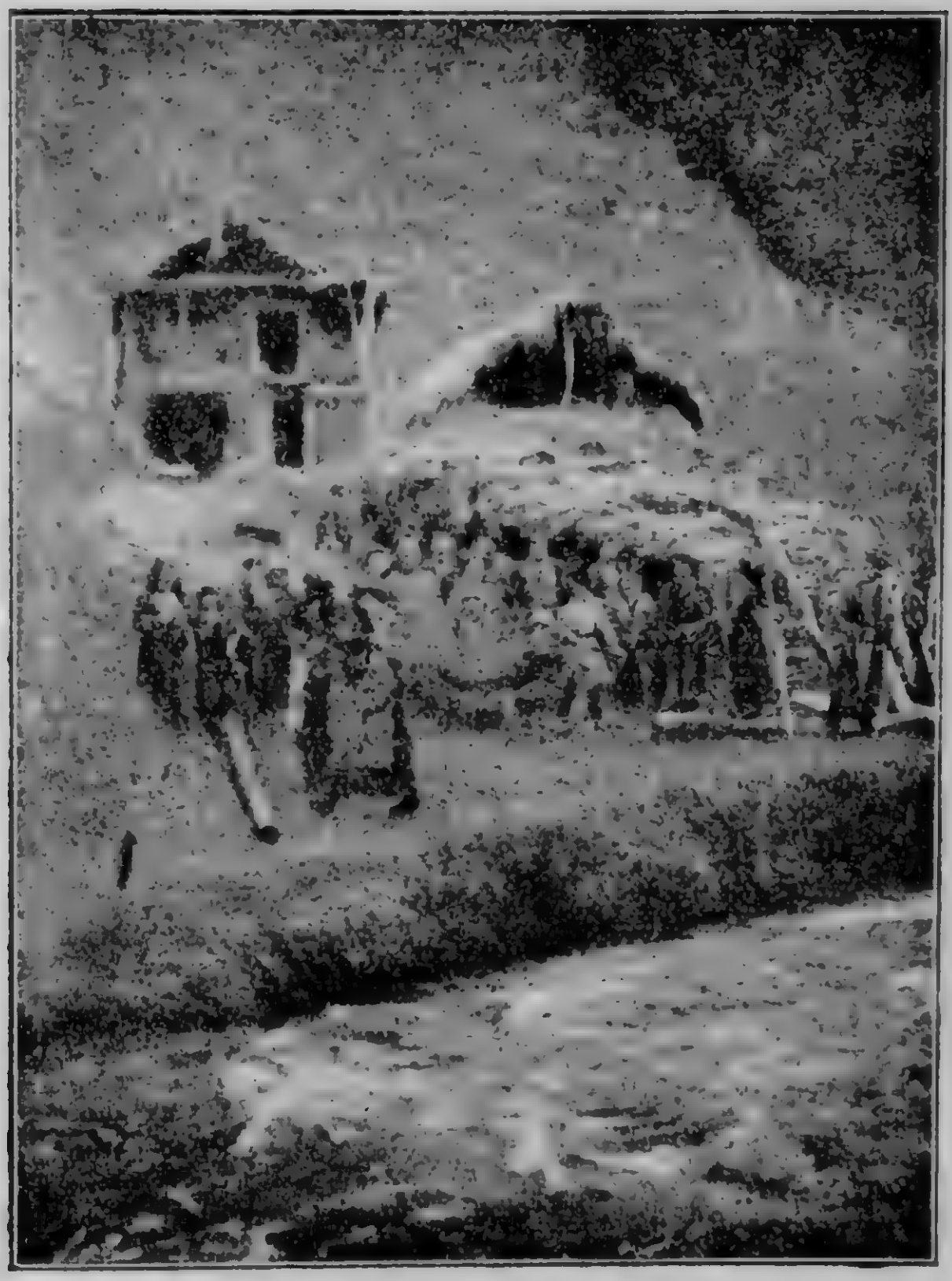
сячи семисот метров над уровнем моря, разбив примитивный шалаш и разложив большой костер, который долго не разгорался. Ночь посреди тумана и дождя была тяжелой.

Ночь прошла благополучно. Утром туман рассеялся. От самого потока, который перешли по снеговому мосту, начался чрезвычайно крутой подъем, закончившийся на перевале Сакорно, примерно на высоте двух

тысяч девятисот метров. На перевале дороги разветвляются: одна ведет в Горную Тушетию и Дагестан, другая—через гору Борбало в Пирикительскую Хевсуретию. Гора Борбало (три тысячи двести девяносто три метра) является узловым пунктом, от котор го отходит

На тушинской бине—стоянке овцеводов.

ряд хребтов: Кахетинский, Пирикительский, боковой хребет, на отроге которого расположена высочайшая вершина Кавказа—Тебулос-мта (четыре тысячи пятьсот семь метров). Сама гора Борбало находится на главном водораздельном хребте и служит конечным восточным пунктом центральной части Главного Кавказского хребта.



Сел. Арчилос (по дороге с Борбало в Ардоти), внизу поток Андакис-цхали.

На перевале Сакорно студенческая экспедиция встретилась с экспедицией киевских врачей, пересекших Хевсуретию, направляясь из Чечни в Кахетию. Киевляне сообщили нерадостные вести: при подъеме на Бор-

бало их настигла снежная метель. К счастью, к моменту подъема на перевал студенческой экспедиции метель прекратилась, и дул лишь ледяной ветер, буквально срывавший верхнюю одежду и толкавший в пропасть. За перевалом через Борбало начинается Хевсуретия.

На Црольском перевале.

После длительного и крутого спуска, достигнув полосы лесов, студенты остановились на стоянке—в бине тушина-скотовода, где и провели ночь. Ночлег в бине, после бессонной ночи в самодельном шатре в Циплоанис-хеви показался всем нам верхом комфорта, хотя спать пришлось на грубых паласах, постеленных на голой земле, не раздеваясь, завернувшись в бурки или одеяла.

За биной дорога идет по живописному ущелью потока Андакис-цхали посреди прекрасных лесов. Ущелье было полно тревоги: участились набеги соседей-кистин, угонявших скот у тушин и хевсур. По дороге встречались такие картины: на отвесной скале, господствующей над всей тропой, притаился хевсур с наведенной на путь винтовкой...

К вечеру студенты достигли села Ардоти, где остановились в хуторе у гостеприимного Нико Мургули, у которого за год перед тем побывали В. А. Гурко-Кряжин и Г. В. Демидов.

После заслуженной дневки в Ардоти студенты отправились в Муцо, где детально ознакомились с крепостными сооружениями и склепами. Останавливались в выселке, лежащем у подножья скалы, на которой стоит старое Муцо. С Муцо пошли на Шатиль, по пути посетив Анатори, где замерили склепы.

После Муцо, Ардоти, бины, Тбатаны Шатиль произвел удручающее впечатление своей грязью, теснотой и невозможным запахом. В Шатиле оставались два дня, при чем во время пребывания подымались в старый Шатиль, или Качу. Из Шатиля через Георги Цминда, выселок Гуро, направились в последний. Гуро и Георги Цминда лежат в стороне от „большой дороги", идущей вдоль Аргуна и представляющей, как и все дороги Хевсуретии, узкую тропку, доступную лишь пешему и конному, вьющуюся над потоком или пропастью. Так как Гуро и Георги Цминда лежат в стороне, в них сохранилось много старинных пережитков.

По пути из Георги Цминда в Гуро пришлось перевалить через высокий отрог Комгис Магали, откуда откры-

вался великолепный вид на Тебулосмта. К сожалению, пластинки оказались испорченными, и снимки не удались.

В Гуро экспедиция дневала перед чрезвычайно трудным перевалом через Црольский массив (три тысячи четыреста пятьдесят метров). Путь через Цроли—новый.

Участники студенческой экспедиции 1928 г. на крыше дома в гостях у Тома Балиаури.

Он проложен шатильским священником-кровником, опасавшимся мести.

Из культурных людей за несколько дней перед студенческой экспедицией этой тропой воспользовались лишь два служащих экскурсбазы в Казбеке, проехав через перевал верхом. Один из них—известный альпинист Шалва Микаладзе.

Вид с Црольского перевала великолепен: внизу расстилается Пиракетельская Хевсуретия с селами, разбросанными посреди лесов; напротив повсюду встают снеговые хребты и мрачная вершина Чаухи, вдали белеет Казбек... За перевалом тропа идет по крутому гребню или по осыпающимся склонам над глубокими пропастями. Километров через десять она круто спускается в северном направлении к Колотанис-цхали, притоку реки Ассы, на которой стоят села Архотского общества Амга, Ахиели, Квира Цминда.

В Ахиели экспедиция провела два дня. Благодаря любезности Томаса Георгиевича Балиаури, брата проводника экспедиции Габриеля Георгиевича Балиаури, студентам удалось собрать чрезвычайно ценный этнографический материал. Томас Георгиевич Балиаури безвыездно живет в Хевсуретии уже в течение пяти лет. Студентам в Ахиели удалось попасть на храмовой праздник, приуроченный к дню св. Марии (Мариоба Дге).

В Ахиели группа разделилась: часть пошла через Джутский или Западно-Архотский перевал (три тысячи сто тридцать метров) на Казбек, выехав оттуда во Владикавказ; другая пошла через Джутский же перевал на Пасанаур и Тифлис.

Джутский перевал носит ярко выраженные следы деятельности ледников. Со стороны реки Ассы, Хевсуретии, подъем идет по террасам, расположенным ступенями. Таких ступеней три, каждая примерно, пяти километров длины и метров четырехсот — пятисот высоты. Джута—последнее хевсурское село по направлению к Казбеку. Она — типичный выселок, в кото-

ром чувствуются влияния, чуждые Хевсуретии. В Джуте группа дневала последний раз.

Тропа от Джута к Пасанауру сначала спускается к реке Сно (или Черная Арагва), притоку Терека, на высоту примерно тысячи пятисот — тысячи шестисот метров, затем, по так называемой Старо-Военно-Грузинской дороге, к Бусарчильскому перевалу (две тысячи триста семьдесят шесть метров), откуда стремительно спускается к Черной Арагве, притоку Белой Арагвы, на которой лежит Пасанаур (семьсот метров), станция Военно-Грузинской дороги. Всего студенческая экспедиция прошла около трехсот километров и сделала семь перевалов, из которых четыре—Ркинисмта, Борбало, Цроли, Западный Архотский, или Джутский — свыше трех тысяч метров над уровнем моря.

Путь был проделан в десять этапов (одиннадцать, если считать восемнадцать километров по колесной дороге от селения Ахмет до Джоколы), до Ахмет доехали на линейках, из Телава—двадцать четыре километра:

1) Джокола — Тбатана, около десяти часов крутого подъема, двадцать пять километров;

2) Тбатана — Циплоанис-хеви, свыше десяти часов пути, крутой подъем и спуск, тридцать километров;

3) Циплоанис-хеви—тушинская стоянка (бина) Боркила свыше десяти часов ходьбы, крутой подъем и спуск, тридцать пять километров;

4) Бина Боркила-Ардоти, шесть часов ходьбы, спуск двадцать пять километров;

5) Ардоти-Муцо, легкий спуск, около двух часов ходьбы, девять километров;

новому хелосани. А он закричал страшным голосом: „Вот ангел сел мне на плечо". Потом встал на колени и пополз к хати. Так и добился хитростью, что стал хелосани. И я бы, может, теперь хевисбери был, если бы мать гадалку послушала. Я заболел, когда был маленький. Мать пошла к гадалке, а она говорит: „Если не поступит он к хевисбери, то ослепнет, потому что хати увидала, как он играл и отметила его".

* * *

ХЕВСУРСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТОРГВЕ

Три больших рода жили в Муцо: Торгва, Дайаури и Чолокашвили. И нет их теперь никого тут: Дайаури и Чолокашвили выселились: кто далеко — в Телавский уезд, кто—поблизости. А Торгвы род погиб совсем...

Торгва последний был сильный, храбрый человек. Умел он оружие носить, и боялись его враги—ингуши, тушины и пшавы. И никто не подходил тогда близко к владениям его, и ждали все, когда он умрет. Но Торгва последний в дружбе с богом был, а кого бог любит, тому и чорт помогает. И дал чорт Торгве последнему кольчугу в подарок. И было свойство особое у нее: никакое оружие пробить ее не могло. И еще сильнее Торгва стал, и еще дальше слава о нем пошла.

Вот раз купается Торгва в Андакис-цхали. Кольчугу с себя снял, на берегу у воды положил. Слово такое сказал, что кольчуга тяжелая, как камень, стала. Ударяет в нее вода быстрая, а с места тронуть не может...

Но были враги у Торгвы среди своих. Любил он девушку, Мзекала звали ее, а на этой другой хевсур жениться хотел.

И увидел тот хевсур, что Торгва купается, что кольчуга его у самой воды лежит, и сказал он слово такое, что кольчуга стала легкая, как пух, и понесло ее водой в даль и унесло в Терек и в море. И всю силу Торгвы кольчуга с собой унесла. И напали тушины и убили его сразу. А он не женатый был, и с ним род его кончился.

* * *

ХЕВСУРСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ГАБУРИ ЧИМГИНСКИЙ ЭШМАКИ (НЕЧИСТАЯ СИЛА) ПОЙМАЛ [1]

У нас в Архоти есть селение Чимга. Вот раз Габури Чимгинский косил себе в горах...

Косил рано, до восхода солнца... Смотрит: эшмаки появился, дразнить начал—косит деревяшкой, не отстает. Надоело Габури. Он полоску в роде ремня из травы сделал и будто крепко себе ноги обматывает; и эшмаки то же делает, а Габури сразу вскочил да ему ноги и отрезал. Потом домой привел, ногти отрезал и в гозыри себе положил. А эшмаки без ногтей никуда уйти не может. Прибавляются у Габури и хлеб и масло. И думает он, что полезно эшмаки всегда держать. А эшмаки все выслеживает, куда его ногти спрятали. И раз увидал... Увидал, взял... и убежал... Убежал, а в наказание всех Габури заиками сделал. Так и до сих пор заикаются.

А Габури песню про эшмаки сложили, и до сих пор она поется их фамилией. Начинается она так: „Поймал Габури раз эшмаки и сел на него".

---

[1] Записано со слов Габриэля Балиаури, тридцати пяти лет, хевсура из селения Архоти.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ХЕВСУРЕТИИ [1]

Зубарев Д.—„Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию и Джаро-Белоканскую область". „Русский Вестник", 1841, № 2.

Зиссерман А.—„Очерки Хевсурии". Газ. „Кавказ" 1851, № 22—24.

Его же.—„Десять лет на Кавказе". „Современник", 1884, X.

Эристов Р.—„О тушино-пшаво-хевсурском округе". „Записки Кавк. Отд. Русск. Географ. Общества", кн. III, 1855. Основная работа по этнографии Хевсурии.

Дубровин.—„История войн на Кавказе". 1871, т. I, кн. 2, стр. 217—318.

Радде Г.—„Хевсурия и хевсуры". „Записки Кавк. Отд. Русск. Географ. Общества", XI, вып. II, 1881.

Худадов Н. А.—„Заметки о Хевсурии". „Записки Кавк. Отд. Русск. Географ. Общества", XIV, вып. I, 1890.

Эристов Р.—Заметки о монографии „Хевсурия и хевсуры", занимающей второй выпуск XI книги Зап. Отдела, а также опечатки и исправления к этой монографии. „Записки Кавк. Отд. Русск. Географ. Общества", XIV, вып. I.

Его же.—„Извлечение из этнографических очерков г. Урбнели о хевсурах". „Записки Кавк. Отд. Русск. Географ. Общества", XIV, вып. I.

Урбнели (Хизанов).—„Очерки Пшаво-Хевсуретии". Газ. „Дроэба", 1884; газ. „Иверия", 1886—1887 (на груз. яз.)

Бакрадзе.—„Путешествие в Хевсурию".

Мачабели.—„Описание экономического быта крестьян Тионетского округа". В материалах для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. V.

---

[1] Настоящий указатель составлен В. А. Гурко-Кряжиным и дополнен Г. В. Демидовым.

Беляев И.—„По Хевсурии". „Исторический Вестник", 1901, XII.

Царевич Вахушти.—„География Грузии". Пер. М. Джанашвили, стр. 108—110.

Буш Н. А.—„По горам и ущельям Хевсурии и Тушетии". Труды императорского С.-Петербургского ботанического сада. Том XXII, выпуск III, 1904 г.

Потто В.—„Утверждение русского владычества на Кавказе", т. II, стр. 279—318.

Его же.—„История 44 драгунского Нижегородского полка", т. I, гл. VIII. „В Кахетии и у хевсур", 1893.

Ковалевский М. М.—„Закон и обычай на Кавказе", 1890, т. I—II.

Макалатия С.—Материалы по грузинской этнографии. „Сексуальные обряды у пшаво-хевсур" (на груз. яз.), 1893.

Гр. Уварова.—„Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию". Материалы по археологии Кавказа. 1904, вып. X.

Гурко-Кряжин В. А.—„Поездка в Хевсуретию". Газ. „Заря Востока", 1927, №№ 1555, 1557, 1583, 1585.

Его же.—„Хевсуры". „Новый Восток", № 20—21.

Его же.—„Хевсуры". Журн. „Хочу все знать", 192', № 12.

Казмин В.—„В дебрях Хевсурии". Газ. „Вечерняя Москва", 1927, № 210.

Романовский А.—„Аул Сакерпо". Газ. „Известия ЦИК СССР" от 11 октября 1927 г.

Габури.—„Материалы о Хевсурии". Изд. под ред. проф. Шанидзе П., Тифлис, 1927.

Третьяков С.—„В переулках гор". „Правда", 31 октября 1927 г., № 300.

Гурко-Кряжин В. А.—„Кавказские развесистые клюквы". Газ. „Заря Востока", № 27, 2 февраля 1928 г.

Худадов В. Н. и Демидов Г. В.—„Грузинка". Изд. охраны материнства и младенчества, 1928.

Худадов В. Н.—„Замки и села Хевсуретии". Журн. „Большевистская Смена", сентябрь. Тифлис, 1928.

Его же.—„Хевсуретия". Воскресное добавление к „Рабочей Газете", октябрь, 1928 г.

Его же.—„Хевсуретия". „Народное хозяйство Закавказья", № 15—16, 1923 г. (много опечаток).

Чжимбе А. „Люди ущелий". Роман из жизни хевсур, с очерком проф. В. А. Гурко-Кряжина „В хевсурских Альпах", 1928.

Джавахишвили М.—„Белый воротник". Роман. Авторизованный перевод с грузинского А. Кулебякина и Б. Корнеева, 1928.

Камараули А. Я.—„Хевсурия". Очерки. Тифлис, 1929.

Шкловский.—„Белые пятна". Журн. „Огонек", № 39, 1929.

Ор—в Д.—„Жители ущелий". Журн. „Вокруг Света" (Ленинград), № 41, 1929.

Bapst, Germain.—„Souvenir du Caucase; Fouille sur la grande chaîne. Revue Archéologique, 1885.

M. von Déchy.—„Kaucasus". Band II, Kapitel V—VIII.

Merzbacher G.—„Aus den Hochregionen des Kaucasus".

Вияскевскиій—А. Про Хевсуірв, „Східній Світ" № 3 (9) 1929 г. Харьков.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

Верхом через Пшавию и Хевсуретию. Дневник путешествия . . 5

Глава II

Маршруты некоторых исследователей 126

Приложения

Рассказы и сказания 153

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
Москва, Новая площадь, 6

БИБЛИОТЕКА ЭКСПЕДИЦИЙ и ПУТЕШЕСТВИЙ (БЭП)

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Вегин. — **В верховьях Тигра**. (У айсоров и курдов). Предисловие Б. В. Мюллера, с 42 иллюстрациями. 223 стр. Ц. 1 р. 35 коп.

Гэрли, Ф. — **К людям каменного века на гидроплане.** Путешествие в Новую Гвинею. С предисловием проф. В. К. Никольского. С 44 рис. 208 стр. Ц 1 р. 80 коп.

Дьяков Д.—**По современной Австралии**. С 35 рис. и 2 картами. 140 стр. Ц. 1 руб.

Коллинсон К. — **На островах вечной весны** (Соломоновы острова).

Лебедев А. К. — **К ледяному сердцу Арктики.** (Путешествия на далекий север). С 85 рис. и 6 картами. 322 стр. Ц. 2 р. 25 коп.

Мак-Говерн В. — **В таинственную Лхассу. Секретная экспедиция.** Перевод с английского. С 22 иллюстр. и 3 картами. 296 стр. Ц. 1 р. 80 коп.

Мак Лорен.—**В австралийских джунглях.** 155 стр. Ц. 1 руб.

Некрасов А. — **В поисках южного материка.** 344 стр. Ц. 1 р. 95 коп.

Рихтер З. — **Семафоры в пустыне.** На изысканиях Туркестано-Сибирской железной дороги. С 32 рис. и 1 картой. 224 стр. Ц. 1 р. 75 коп.

Рыбичка Эмиль. — **Бурные годы Афганистана.** 253 стр. Ц. 1 р. 35 коп.